Б. И. Есин

РЕПОРТАЖИ В. А. ГИЛЯРОВСКОГО

"Получив 8 сентября известие
об этом страшном пожаре,
на другой день я выехал
на место происшествия.
9 сентября на третий день пожара,
около шести часов вечера,
я приехал в Авсюнино,
подъехав с того конца деревни,
который выгорел...
Страшная сила огня
уничтожила все.
Я долго шел по пеплу..."

("Русские ведомости", 1887, № 250)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Монография характеризует деятельность Гиляровского-журналиста с 1882 по 1905 г. преимущественно в московских изданиях. Автор показывает жизненный путь В. А. Гиляровского, анализирует особенности его репортажей, своеобразие приемов репортерской деятельности. Для журналистов, филологов, а также для всех интересующихся творчеством В. А. Гиляровского, историей русской газеты и бытом старой Москвы.

- Б. И. Есин
  - ○
  - ○
  - ○ I. РЕПОРТЕР МОСКОВСКОЙ ПРЕССЫ
  - ○ II
    - ■ РЕПОРТАЖИ ИЗ «МОСКОВСКОГО ЛИСТКА»
      - ■ ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ. ИЗ ТРОИЦКОГО ПОСАДА
      - ■ ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ. КОЛОМНА
      - ■ ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ. ОРЕХОВО-ЗУЕВО
      - ■ ОРЕХОВО-ЗУЕВО
      - ■ ТЕЛЕГРАММЫ. СТРАШНАЯ КАТАСТРОФА НА КУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ
      - ■ С МЕСТА КАТАСТРОФЫ НА КУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ
    - ■ РЕПОРТАЖИ ИЗ «РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»
      - ■ МОСКОВСКИЕ ВЕСТИ
      - ■ МОСКОВСКИЕ ВЕСТИ
      - ■ КАТАСТРОФА НА ФАБРИКЕ ХЛУДОВА
      - ■ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ АКТЕРЫ
      - ■ ПОДЗЕМНЫЕ РАБОТЫ В МОСКВЕ
      - ■ ЛОВЛЯ СОБАК В МОСКВЕ
      - ■ СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ ПОД МОСКВОЙ
      - ■ МОСКОВСКИЕ ВЕСТИ
      - ■ КАТАСТРОФА НА ХОДЫНСКОМ ПОЛЕ
    - ■ РЕПОРТАЖИ И ФЕЛЬЕТОНЫ ИЗ «РУССКОГО СЛОВА»
      - ■ ПОРА БЫ…
      - ■ ЛЮДИ ЧЕТВЕРТОГО ИЗМЕРЕНИЯ
      - ■ УРАГАН. В МОСКВЕ
      - ■ УРАГАН
      - ■ НА КРАЮ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ
      - ■ У Г-ЖИ МАНОЛОВОЙ

- «ПО СОБСТВЕННОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ»
- III. ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ В СТИЛЕ РЕПОРТАЖА
  - ПОЛЕТ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ
  - В ВИХРЕ
- ЛИТЕРАТУРА

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

Б. И. Есин
Репортажи В. А. Гиляровского

Рецензенты:
докт. филол. наук В. Д. Пельт,
канд. филол. наук С. Я. Махонина
Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета

Настоящая книга посвящена репортерской деятельности Владимира Алексеевича Гиляровского. За основу взяты московские репортажи журналиста. Для этого есть веские причины: в качестве репортера Гиляровский проявил себя прежде всего в московской печати — в таких газетах, как «Московский листок», «Русские ведомости» и «Русское слово». Участие его в других изданиях было, как правило, эпизодическим.

Уроженец Вологодского края, много поездивший и повидавший на своем веку, Гиляровский в конце концов оказался московским старожилом, «всезнающим» москвичом. Немного найдется людей, которые так хорошо знали бы Москву последней трети XIX — начала XX в., ее окрестности, быт и нравы, как Гиляровский. И это знание он приобрел главным образом благодаря газетно-журнальной работе. Гиляровский целиком принадлежал московской печати. В петербургских изданиях он печатался от случая к случаю, чаще всего и там освещая московскую тему («Новое время», «Осколки», «Новости» и несколько больше — «Россия»).

К сожалению, обстоятельная научная биография журналиста еще не написана, его творчество не стало предметом серьезного изучения. Нет удовлетворительной летописи жизни и деятельности Гиляровского. Поэтому в книге предпринята попытка создать документированный обзор-очерк его журналистской деятельности в московских газетах, сделаны некоторые наблюдения над характером репортерских материалов журналиста; специальный раздел посвящен репортажам Гиляровского, взятым непосредственно из газет прошлого и начала нашего столетия.

Отметим, что до сих пор огромный пласт газетного творчества журналиста, большое число его репортажей остаются недоступными исследователю, ибо многие из них печатались анонимно. И можно только предполагать, что их было много…

А пока — пусть познакомится читатель с тем, что собрано в этой книге.

I. РЕПОРТЕР МОСКОВСКОЙ ПРЕССЫ

Выдающийся русский репортер В. А. Гиляровский хорошо известен читателям по книгам «Мои скитания», «Москва и москвичи», «Москва газетная», в которых увлекательно рассказано о его работе газетчика. В большинстве статей о Гиляровском, в предисловиях к его книгам пересказываются наиболее интересные моменты репортерской деятельности журналиста, поведанные им самим в книгах-воспоминаниях. А ведь они были написаны спустя много лет после происходивших когда-то событий, и редко кто мог прикоснуться к подлинным репортажам Гиляровского на газетной полосе прошлого века.

Ворошить старые подшивки в поисках нужных текстов — работа трудоемкая. Нелегко определить, а затем и доказать принадлежность многих материалов перу Гиляровского — не все они были подписаны автором, да и самих газет иногда нет в той или иной библиотеке. Тем не менее постараемся дать возможно более полную картину репортерской деятельности журналиста — как она вырисовывается при непосредственном рассмотрении комплекта газет прошлого века, начиная с 1881–1883 гг. и кончая первой русской революцией. Воспоминания же Гиляровского в этой книге будут лишь канвой, справочным материалом при путешествии по страницам старых газет.

Трем московским изданиям посчастливилось иметь Гиляровского своим постоянным репортером — «Московскому листку», «Русским ведомостям» и «Русскому слову». Умением разыскать важный, интересный материал, быть в гуще событий московской жизни, открытым сочувствием обездоленным и угнетенным журналист приносил существенную пользу как периодическим изданиям, в которых он сотрудничал, так и людям, о которых писал.

Репортажи и другие материалы Гиляровского способствовали популярности изданий, на страницах которых они публиковались. Достаточно вспомнить его репортаж о Ходынской катастрофе 1896 г., напечатанный в «Русских ведомостях», — единственный во всей русской и мировой прессе, в котором была рассказана правда о трагедии, случившейся в дни коронации последнего русского царя — Николая II. Однако свою литературную деятельность, в том числе репортерскую, Гиляровский начал значительно раньше и значительно скромнее в газете «Московский листок».

Осенью 1881 г., вернувшись с театральных гастролей по России, Гиляровский (как известно, этот неугомонный человек

испытал много профессий, в том числе и амплуа провинциального актера) впервые приобщился к профессиональной работе журналиста-газетчика — несколько мелочей (стихи, анекдоты) в «Русской газете» и затем — «Московский листок», только что открытый Н. И. Пастуховым.

С 1882 г. Гиляровский — уже постоянный репортер московской газеты с оплатой по 5 коп. за строку. Сам он признавался: 1882 год — «первый год моей газетной работы». По этому году «можно видеть всю суть того дела, которому я посвятил себя на много лет» [1].

Привлекая Гиляровского в «Московский листок» как репортера, Пастухов требовал прежде всего «быстроты сведений о происшествиях»[2]. Журналисту вменялось в обязанность знать все, что происходит в Москве и ее окрестностях. Пастухов был и первым наставником Гиляровского: знакомил его с Москвой, Подмосковьем, миром преступников и бродяг, официальными лицами московской полиции, у которых можно было получить сведения о происшествиях.

Гиляровский, имея немалый жизненный опыт и будучи человеком физически выносливым, увлекся этой работой, «живой и интересной, требующей сметки, смелости и неутомимости»[3]. В поисках материала репортер пешком ходил за Даниловку, Марьину рощу и другие по тем временам окраины, изучал городские трущобы.

Издатель газеты Н. И. Пастухов был дотошным на правду сообщений, правду подробностей происшествий, которые могли бы заинтересовать средне-обывательскую публику. И Гиляровский выработал в себе обязательные качества, необходимое условие успешного репортерства — правдивость, оперативность, высокую осведомленность. Он составил круг надежных источников (это было особенно важно) дополнительной информации, выходившей за рамки сведений официальных городских, полицейских и прочих учреждений. Недаром впоследствии Гиляровский не раз посмеивался над полицией, заявляя: «…мои агенты лучше ваших».

Годы работы в «Московском листке» (1882–1883) совпали с началом политической реакции в русской общественной жизни после второй революционной ситуации. Но они были для Гиляровского и временем знакомства со многими замечательными людьми, в частности с Г. Успенским, П. Заичневским — автором революционной прокламации «Молодая Россия» и др.

В мае 1882 г. в Москве открылась Всероссийская художественная выставка, которая внесла в жизнь города много

«оживления и суеты». На выставке собиралась масса интересных людей. «Для дебютирующего репортера при требовательной редакции это была лучшая школа»[4], — писал журналист впоследствии. Однако не следует думать, что Гиляровский поставлял репортажи с выставки. Ничего подобного. Его тема оставалась прежней: городские происшествия — пожары, убийства, кражи, крушения. Тем не менее он «целый день пылился на Выставке»[5], узнавая городские новости.

У него везде появились знакомые: сторожа на вокзалах, писцы в канцеляриях, обитатели трущоб, трактирщики, кустари, гостиничная прислуга, охотники, пожарные — «свои люди», сообщавшие ему, где что случилось. Впрочем, Гиляровский старался сам побывать на месте каждого значительного происшествия и особенно на пожарах — он имел даже специальное разрешение ездить на пожарных обозах.

Оперативность Гиляровского хорошо иллюстрирует следующий случай. Было это в 1885 г. «В поисках сенсации для „Голоса Москвы“ В. М. Дорошевич узнал, что в сарае при железнодорожной будке близ Петровско-Разумовского зарезали сторожа и сторожиху. Полный надежд дать новинку, он пешком бросился на место происшествия. Отмахав верст десять по июльской жаре, он застал еще трупы на месте. Сделав описание обстановки, собрав сведения, он попросил разрешения войти в будку, где судебный следователь производил допрос.

— Я обратился к уряднику, — рассказывал он, — … караулившему вход, с просьбой доложить следователю обо мне, как вдруг отворилась дверь будки, из нее быстро вышел кто-то — лица я не рассмотрел — в белой блузе и высоких сапогах, прямо с крыльца прыгнул в пролетку, крикнул извозчику — лихач помчался, пыля по дороге.

Меня, — продолжал рассказ В. М. Дорошевич, — принял судебный следователь Баренцевич, которому я отрекомендовался репортером: „Опоздали, батенька! Гиляровский из „Русских ведомостей“ уже был и все знает. Только сейчас вышел… Вон едет по дороге!“ Я был оскорблен в лучших своих чувствах…»[6].

Очень часто Гиляровский был первым и нередко единственным свидетелем какого-либо важного происшествия.

В «Московском листке» журналист дебютировал театральными анекдотами за подписью «Театральная крыса»[7]. Первые три месяца (август — октябрь. 1881 г.) он помещал в газете «Записки» Театральной крысы и стихотворения «Улица», «Эхо (на Каменном мосту)» и др.

О первом достоверно принадлежащем ему репортаже можно говорить, лишь раскрыв номер 57 от 5 октября 1881 г. Это был

отчет об убийстве в Троицком посаде, подписанный сокращенно «Вл. Г-й». Б следующем году репортерская деятельность журналиста получила более определенное выражение: стало значительно больше материалов, подписанных собственной фамилией и известными нам псевдонимами Гиляровского — «Проезжий корнет», «Свой человек». Довольно много материалов этого времени посвящено подмосковным городам — Коломне и Егорьевску.

В 80-е годы семья Гиляровского летом жила на даче в Краскове, затем в Быкове — по Казанской железной дороге. И хотя сам он на даче бывал наездами, часто корреспондировал из указанных мест Подмосковья. От Краскова до Коломны, как и до Егорьевска, 14 остановок. Проехать это расстояние в дачном поезде для молодого журналиста не составляло труда.

Первым подмосковным городом, откуда шли репортерские заметки и отчеты Гиляровского, была Коломна. В разделе газеты «По городам и селам» уже 21 января 1882 г. (№ 13) была помещена заметка «Из Коломны. От нашего корреспондента», которую можно с достаточной долей основания и по характеру изложения, и по месту происшествия считать принадлежащей Гиляровскому, хотя она и не подписана.

20 февраля в той же рубрике за подписью «Свой человек» снова печатается корреспонденция из Коломны, рассказывающая об окончании масленицы, о коломенских нищих, а также о кочующих в окрестностях города цыганах. В нее включены элементы прямого репортажа из цыганского табора: «Когда я вошел к ним, на меня бросилась громадная овчарка, но сейчас же была и остановлена. Меня приняли очень ласково.

— Садись, барин, посмотри на цыганское житье, погрейся! — предложил мне старший из них.

Я присел к огню. Замазанный до последней степени, с соломой и сором в курчавой голове, мальчик лет десяти вытащил из золы полусырой картофель и подал его мне.

— Так, Гуза, так, угощай барина! — смеясь, заметил ему отец. Все рассмеялись и что-то пробормотали между собой на своем удивительном наречии». И в корреспонденции от 21 января, и в заметке от 20 февраля есть стихи. В первом случае стихами начинается материал, во втором — ими заканчивается. Стихи любили в «Московском листке», и Гиляровский умел писать их «на случай».

Затем корреспонденции Гиляровского в газете идут все чаще. 8 апреля (№ 94) все в той же рубрике «По городам и селам» помещена корреспонденция от шестого числа из Серпухова за подписью «Проезжий корнет». Это корреспонденция-отчет о

грабеже с убийством. А вскоре печатаются знаменитые репортерские отчеты журналиста в номерах 151 и 155 от 1 и 4 июня о пожаре рабочей казармы в Орехово-Зуеве за подписью «Свой человек». В № 167 — снова репортаж из Серпухова, в № 178 — сообщение из Коломны (несколько запоздавший материал от 25 июня) и в разделе «Телеграммы» сообщение от 1 июля о страшной катастрофе на Курской железной дороге. Это была телеграмма Гиляровского, который уже 29 июня случайно, будучи вместе с управляющим Московско-Курской железной дорогой в гостях у М. В. Лентовского, узнал о крушении и немедленно, по собственной инициативе, не поставив в известность даже редакцию, выехал к месту происшествия. Нелегально, спрятавшись в вагоне служебного поезда, он первым из журналистов, опередив других репортеров почти на двое суток, прибыл на место катастрофы. И в течение четырнадцати дней «Московский листок» печатал сообщения «от нарочного корреспондента» «С места катастрофы на Курской железной дороге», подписанные полным именем автора — Вл. Гиляровский.

Эти знаменитые репортерские отчеты о Кукуевской трагедии — первое крупное выступление журналиста в русской печати, которое сделало известным его имя. Он опередил все газеты.

В 1882 г. Гиляровский печатает, как можно судить по его воспоминаниям, ряд репортерских отчетов о пожарах (пожар за Бутырской заставой, летний пожар в Зарядье), о скачках и другие, еще не разысканные на страницах газеты «Московский листок» материалы. Подобные сообщения лишены личностной окраски, они кратки и фактографичны. Часть этих материалов несет в себе несомненные признаки репортажа — в них ощущается непосредственное впечатление автора, в текст вкраплены элементы оперативного интервью и масса деталей, доступных только перу очевидца. На них обратили внимание и читатели, и журналисты-профессионалы, а статьи об Орехово-Зуеве и Кукуевской катастрофе стали образцами репортерских отчетов.

В обеих поездках Гиляровскому пришлось проявить большую настойчивость и находчивость, чтобы своевременно попасть на место происшествия (официальные власти препятствовали прибытию корреспондентов), получить необходимые сведения и вовремя информировать редакцию.

Надолго запомнилось Гиляровскому одно невыполненное задание. 3 сентября 1882 г. он должен был описать полет воздушного шара над Москвой. Однако в критический для воздухоплавателя момент журналист согласился лететь с ним и, впервые совершив воздушное путешествие, улетел за пределы Москвы, не успев таким образом вовремя передать в редакцию

отчет о полете. Но воспоминание-очерк об этом эпизоде, вошедший в «Москву газетную», написан в духе непосредственного репортажа — так сильно было впечатление от полета, что детали и ощущения не сгладились в памяти и спустя многие годы.

Весной 1883 г. Гиляровский снова уехал на гастроли с театром В. Н. Андреева-Бурлака. Осенью, по возвращении из поездки, он становится сотрудником газеты «Русские ведомости», решившей улучшить свою репортерскую часть. «Я вел городские происшествия и в случае катастрофы, эпидемии или лесных пожаров командировался специальным корреспондентом»[8], — вспоминает Гиляровский.

Гиляровский был очень деятелен. В это время он исследовал Грачевку, Хитров рынок, давал статьи о скачках и бегах. Бродяжничество, писал он, «я сменил на обязанности летучего корреспондента, вездесущего столичного репортера»[9].

День был заполнен до предела: «Днем завтракаешь в „Эрмитаже“, ночью, добывая материал, бродишь по притонам Хитрова рынка. Сегодня, по поручению редакции, на генерал-губернаторском рауте… а завтра едешь осматривать задонские зимовники, занесенные снегом табуны… Рубинштейн дирижирует в Большом театре на сотом представлении „Демона“, присутствует вся Москва в бриллиантах и фраках, — я описываю обстановку этого торжественного спектакля; а через неделю уже Кавказ… А через месяц Питер — встречи в редакциях… у Глеба Успенского на пятом этаже в его квартирке на Васильевском острове… А там опять курьерский поезд, опять мечешься по Москве, чтобы наверстать прошедшую прогульную неделю»[10].

Он много ходил, ездил. У него был постоянный извозчик Дунаев. «Ваня Дунаев ездил со мной помесячно… Я ездил с ним на рискованные репортерские приключения по разным трущобам совершенно спокойно. Он бывал со мною на скачках и бегах»[11]. «Увлекшись репортерством — этим „живым делом“, я не жалел сил, — писал Гиляровский, — и достиг того, что перебивал славу репортеров „Московского листка“»[12].

Редакция ценила его, платила ему, кроме обычного гонорара 5 коп. за строку, 100 руб. в месяц и оплачивала отдельные расходы на командировки. Заработок журналиста составлял 300 руб. в месяц[13]. «В те годы… — вспоминает Гиляровский, — я занял в „Русских ведомостях“ солидное положение и, кроме репортерства, печатал статьи и фельетоны[14].

Первые годы работы Гиляровского в „Русских ведомостях“ — это годы его тесной дружбы с А. П. Чеховым. Чехов был хорошо осведомлен о положении Гиляровского, они часто встречались,

помогали друг другу отыскивать сюжеты произведений. Не обходилось и без шуток, розыгрышей. Однажды Гиляровский сообщил Чехову, что пострадал во время пожара и лежит дома. Все это было вполне вероятно, ибо журналист проявлял большую отвагу при тушении пожаров. Чехов поверил. Он пишет Лейкину: „Завтра еду лечить Гиляя. На пожаре человечина ожегся, кругом ранился и сломал ногу…“[15]. Но, оказалось, Гиляровский на этот раз „надул“ Чехова — просто заболел рожистым воспалением.

Чехов стремился „перетащить“ Гиляровского в петербургские издания („Осколки“, „Новое время“, „Северный вестник“), где печатался сам, но в то время сотрудничество Гиляровского в петербургских изданиях практически не осуществилось. А в „Русских ведомостях“ он работал до 1899 г., да и позднее иногда корреспондировал в эту газету.

Первый год работы Гиляровского в газете его публикации анонимны. В рубрике „Московские вести“ почти ежедневно идут сообщения о пожарах, происшествиях, рысистых бегах, но определить среди них материалы Гиляровского практически невозможно. Все отчеты о скачках и бегах, о пожарах, как и в „Московском листке“, кратки, не несут в себе индивидуальных примет, характерных особенностей стиля и не имеют подписи. В каждом номере „Русских ведомостей“, в разделе „Московские вести“, не только печатаются отчеты о пожарах, но и даются в отдельные годы их месячные обзоры и даже сводки о пожарах за год (№ 112 и др.). Кто их автор, определить невозможно: подписей Гиляровского нет. Они появляются только в следующем, 1884 г.

И все-таки один репортерский материал за 1883 г. нам удалось атрибутировать. Это отчет в отделе „Московские вести“ о происшествии, случившемся у дома московского богача Губкина при раздаче милостыни. Об этом репортаже вспоминает сам автор в книге „Москва газетная“, приводя подробности, которые сопровождали это трагическое происшествие. Текст самого репортажа несколько отличается от изложения событий в воспоминаниях, но это и не удивительно: Гиляровский писал их много лет спустя и не был стеснен рамками редакторских требований.

А в осенний день 1883 г. дело было так: „Вчера,29 ноября, с 8 часов утра, — читаем в № 329 газеты, — у дома умершего 27 ноября известного богача Губкина, на Рождественском бульваре, толпились массы народа, по преимуществу нищие“. Собрались они по случаю ожидаемой раздачи милостыни, и когда начали раздавать деньги, произошла давка, в которой по предварительным сведениям погибло шесть человек и несколько

человек было искалечено. „Опорков и рваных шапок, — писал позднее в „Москве газетной“ Гиляровский, — увезли два воза“. 1 декабря редакция сообщила в той же рубрике (№ 330): „В дополнение к заметке, напечатанной во вчерашнем выпуске нашей газеты, о катастрофе у дома Губкина, нам доставили следующие подробности“. И далее идет репортаж-отчет Гиляровского:

> „Накануне катастрофы, 28-го ноября, внук покойного г. Кузнецов, по обычаю, существующему среди купечества, роздал несколько сот рублей „на поминки“ нищим, собравшимся у дома покойного в количестве 300–350 человек в чаянии обычной подачки. Весть об этом мигом облетела все нищенские притоны, и на другой день, 29 ноября, с самого раннего утра, к дому Губкина начали стекаться оборванцы, мало-помалу положительно запрудив не только проезд Рождественского бульвара, но и весь бульвар и прилегающие к нему переулки. Тут было не менее 15 тыс. человек, частью нищих, а главным образом так называемых хитровцев, людей без определенных занятий и места жительства, в лохмотьях и отрепьях. Наконец ворота дома Г. отворились, и во дворе приказчик с несколькими артельщиками начали раздачу — по 1 руб. на человека. Лишь только разнеслась об этом весть, как колоссальная толпа разом ринулась в ворота. Несколько городовых с околоточным надзирателем пытались сдержать этот дикий напор, но сами были быстро смяты. В течение нескольких минут происходила страшная давка, особенно в воротах дома, и над толпой, в которой каждый старался опередить другого, стоял непрерывный смешанный гул как бы борющихся людей. Порой из этого хаоса звуков вылетали отчаянные, дикие крики. Явился отряд полицейских и жандармов, приехали обер-полицмейстер генерал А. А. Козлов и полицмейстер Н. И. Огарев. После страшных усилий, удалось развеять толпу, и тогда представилась ужасная картина: на снегу, покрытом массой опорков и лохмотьев от одежды, лежало несколько человек; другие хоть и держались на ногах, но стонали от боли; в стороне оттирали снегом какого-то полицейского чиновника. На месте осталось шесть трупов, страшно обезображенных, толпа смяла этих несчастных и положительно их растоптала; сверх того один оказался с такими страшными увечьями, что

через несколько времени умер, три или четыре человека получили тяжелые увечья и, наконец, многие отделались легкими повреждениями; трупы пострадавших поспешили отправить в приемный покой Мясницкой части. В течение всего дня и на другой день, 30 ноября, когда тело покойного А. С. Губкина было отправлено по железной дороге на родину, у дома продолжали стекаться толпы, которые тотчас же рассеивались полицией“.

Это трагическое событие явилось как бы прологом другой, более серьезной катастрофы, происшедшей тринадцать лет спустя на Ходынском поле при раздаче гостинцев — милостыни Николаем II, свидетелем которой стал Гиляровский.

Период активного сотрудничества Гиляровского в „Русских ведомостях“ падает на наиболее интересный момент в истории этой газеты. Хотя 80-е годы были крайне неблагоприятными для развития русской журналистики — политическая реакция заставляла многие периодические издания „сбавить тон“, быть очень осторожными в отношении постановки общественных вопросов, приглашения новых сотрудников, „Русские ведомости“ не уронили своего достоинства, не повернули к черносотенству и реакции, как сделало, например, „Новое время“. Именно в 80-е годы, правда, в силу драматических обстоятельств — закрытия в 1884 г. передового журнала „Отечественные записки“, сюда пришли и стали печататься М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, А. Н. Плещеев, Н. К. Михайловский и другие литераторы демократической ориентации. Не случайно Гиляровский в „Москве газетной“, рассказывая о своей работе в „Русских ведомостях“, вспоминал о „счастье для молодого журналиста… видеть свою подпись полной фамилией, иногда „В. Г-ский“… рядом с корифеями“[16]. Гиляровский с благодарностью вспоминал хорошие отзывы Салтыкова-Щедрина и Г. Успенского о его фельетонах и рассказах, о дружбе с Успенским, Чеховым, Маминым-Сибиряком и др. Тогда же он познакомился с П. Заичневским, нелегально проживавшим в Москве после возвращения с каторги.

В 80—90-е годы имя Гиляровского становится популярным и часто мелькает на страницах газеты, появляясь то в хронике (из нее мы узнаем, например, о чтении Гиляровским стихов на могиле Я. Полонского в Рязани, о выходе сборника его стихов „Забытая тетрадь“), то в объявлениях по поводу открытой журналистом в 1896 г. конторы по приему объявлений во все газеты. Печатаются очерки, репортерские отчеты, рассказы

Гиляровского.

В 1884 г. было опубликовано несколько подписанных Гиляровским материалов. К ним относятся сообщение о начале подземных работ по добыче артезианской воды в Москве (17 июля, № 196), репортаж о военных маневрах под Москвой (31 августа, № 241) и очерк-репортаж „В туннеле артезианского колодца“ (19 декабря, № 351). Последний материал лег в основу главы „В царстве гномов“, вошедшей в книгу „Трущобные люди“.

В 1884 г. журналист вел репортаж из зала суда по делу Рыкова, писал о пропаже сейфа у Бордевиля и др. В 1885 г. в двух номерах газеты (№ 148[17] и 186) печатается знаменитый очерк Гиляровского „Обреченные“ — одно из самых крупных произведений писателя и журналиста, опубликованное за полной его подписью и получившее одобрение Г. Успенского, Салтыкова-Щедрина и др. С большей долей основания можно считать принадлежащими Гиляровскому неподписанные материалы в № 99 (о Хитровом рынке), № 153 (о реке Неглинке), № 180 (о побеге арестантов), № 206 (репортаж об отъезде из Москвы в Нижний Новгород американца Шюдце — участника поисков Лонга) и некоторые др.

В 1886 г. публикуется репортаж о пожаре на фабрике Хлудова в Егорьевске. Это весьма яркий образец развернутых „пожарных“ репортажей Гиляровского, позволяющий наряду с репортерскими отчетами о пожаре рабочей казармы в Орехово-Зуеве установить типические, характерные черты подобных материалов журналиста.

Вскоре в газете печатается большая статья Гиляровского „Провинциальные актеры“, в которой автор рассказывает много интересного о быте, экономическом положении русского актера, особенно провинциального, о репертуаре театра и антрепренерских приемах привлечения публики. В том же году появляется его репортерский отчет о юбилейном представлении в Большом театре оперы А. Г. Рубинштейна „Демон“. Этот материал до сих пор не был известен. В очерке „Московские газеты в 80-х годах“ Гиляровский вскользь упоминает о посещении им сотого представления оперы „Демон“ в Большом театре и о своем отчете о спектакле в газете „Русские ведомости“[18]. Но поиск этой заметки оказался не таким легким, как представлялось на первый взгляд.

Сотое представление оперы Рубинштейна „Демон“, по свидетельству газеты „Театр и жизнь“, состоялось 24 апреля 1886 г. Однако ни в одном из апрельских номеров „Русских ведомостей“ отчета об этом спектакле не оказалось. В газете за 24 апреля нет даже обычной информации о репертуаре московских

театров. В чем же дело?

Решение подсказала статья критика С. П. Казанцева (см. журнал „Русская мысль“, 1886, № 10), посвященная, постановкам „Демона“ в оперном театре. Из этой статьи стало очевидным, что юбилейным оказался не сотый, а сто первый спектакль оперы и проходил он в понедельник, 22 сентября того же года, т. е. уже в новом зимнем сезоне. Связано это было прежде всего с присутствием на спектакле А. Г. Рубинштейна, который дирижировал оркестром Большого театра. Кроме того, спектакль шел „в пользу главного машиниста и декоратора К. Ф. Вальца за 25-летнюю службу“, как говорилось в репертуаре (Русские ведомости, 1886, 22 сентября) и афишах театра.

„Русские ведомости“ выдали мне 5 рублей на билет, — пишет Гиляровский, — и просили дать отчет об этом спектакле»[19]. Достать билет за 5 руб. оказалось невозможно, ибо цены официально были повышены, но все же Гиляровский, пользуясь тем, что служащие театра хорошо его знали, прошел в театр и даже получил место в партере (весьма необычным способом, о чем мы скажем ниже). Утром следующего дня в газете «Русские ведомости» под рубрикой «Театр и музыка» появился отчет Гиляровского о представлении «Демона»: «Вчера, 22 сентября, в Большом императорском театре, в бенефис декоратора и машиниста театра К. Ф. Вальца, шел „Демон“. Театр был совершенно полон, и сбор по возвышенным ценам достиг около семи с половиной тысяч рублей. Бенефицианту поднесено несколько адресов, масса подарков и венков. М. Н. Климентовой, исполнявшей роль Тамары, поднесен роскошный букет из живых цветов. Бенефициант, дирижировавший оркестром А. Г. Рубинштейн и участвующие были вызваны много раз».

Отчет имеет как бы продолжение в следующем номере газеты от 24 сентября: «…А. Г. Рубинштейн уехал вчера, 23-го, в Одессу, откуда он отправится за границу… А. Г. Рубинштейн остался очень доволен исполнением „Демона“ в спектакле 22 сентября. Действительно, все исполнители сделали все для них возможное, хоры были, превосходны, оркестр также. Постановка оперы страдает капитальным недостатком — нестерпимо длинными антрактами; так, напр., антракт между первой и второй картинами длился более получаса, а между двумя последними — почти полчаса, между тем как в интересах музыки желательно было бы сократить их до возможного minimuma. С этой стороны мы предпочли бы менее сложную постановку, лишь бы нашлась возможность сократить антракты». Замечание об излишне длинных антрактах было деликатной критикой некоторых постановочных излишеств декоратора Вальца, что отмечалось

тогда многими.

Благодаря этому материалу мы можем составить представление о характере других отчетов журналиста, которые в массе своей шли без подписи и остаются неизвестными, поскольку репортерская деятельность была штатной обязанностью Гиляровского и оплачивалась постоянным месячным окладом в 100 руб.

Следующий, 1887, год отмечен наибольшим числом подписанных материалов Гиляровского в газете. Их шесть: «Подземные работы в Москве» (№ 35), «Ловля собак в Москве» (№ 200), «Солнечное затмение под Москвой» (№ 216–217), «С гуслицкого пожара» (№ 250), «Московские городские бойни» (№ 262) и очерк под заглавием «Из-за чего?» (№ 306) о нищем калеке, который замерз на улице. Некоторые из этих работ известны по рассказам о них в книгах Гиляровского, другие прочно забыты. К последним надо отнести статью «Ловля собак в Москве» с элементами прямого репортажа в ней и статью «Московские городские бойни».

При просмотре номеров «Русских ведомостей» за 1887 г. всплывают забытые детали, связанные с описанием Гиляровским солнечного затмения в Клину и полета Д. И. Менделеева на воздушном шаре во время редкого необычного явления природы. Этим событиям была посвящена известная статья-репортаж Гиляровского «Солнечное затмение под Москвой»; кроме того, на следующий день в отделе «Телеграфические известия» без названия было опубликовано сообщение из Клина о возвращении в город после полета проф. Менделеева. Вот это сообщение:

«(от наших корреспондентов)

Клин, 8 августа. Сегодня, в 7 часов вечера, возвратился профессор Менделеев. Во время затмения он поднимался в продолжение 15 минут на высоту 3500 метров. Ему удалось видеть блистательную корону, которая скоро была закрыта облаком; он видел бегущую по облакам тень, делал наблюдения термометром, барометром. В течение целого часа профессор Менделеев земли не видел. Головокружения он не чувствовал и сохранял полное самообладание. Вскоре шар обсох. Во избежание дальнейшего подъема, Менделеев открыл клапан и стал спускаться на обширную поляну близ Калягина. Местные крестьяне скоро заметили

спускающийся шар и приняли благодушно почтенного воздухоплавателя. Сброшенными с шара повестками он дал знать о необходимости ловить гайдроп. Якорем он не пользовался. Гайдроп поймал крестьянин Егор Григорьев. Гайдроп потом привязали к дереву. Благодаря помощи крестьян спуск был вполне благополучный. Шар опустился окончательно в 9 часов 20 минут утра… Проф. Менделеев вернулся в Клин через Сергеевский посад и Москву. Он вполне здоров, хотя несколько утомлен сильными эмоциями и переездом по железной дороге… Проф. Менделеев намерен сообщить подробности своих наблюдений в заседании физико-химического общества»[20].

Этот материал следует считать написанным Гиляровским или, по крайней мере, при его участии, поскольку в нем содержится указание: «от наших корреспондентов», а корреспондентами газеты в Клину были два человека: Гиляровский и Г. Д-в (Джаншиев?). Но стиль Джаншиева, о чем будет сказано ниже, сильно отличался от стиля Гиляровского выспренностью и избыточной эмоциональностью.

Сообщение «Русских ведомостей» о полете внимательно прочитал Менделеев, и в № 221 было опубликовано его письмо, где ученый уточнял некоторые детали (время нахождения в полете и др.).

К материалам Гиляровского мы относим и репортаж в отделе «Московские вести» о пожаре на мельнице Эрлангера в Сокольниках (№ 221). Обстоятельность, внимание к героизму пожарных, быту рабочих, некоторые приемы описания, напоминающие репортажи журналиста о пожаре на фабрике Хлудова в Егорьевске, непосредственное участие автора в событии, что видно из текста сообщения, не оставляют сомнения в принадлежности репортажа Гиляровскому.

Упомянем еще несколько репортажей Гиляровского. В 1888 г. отметим сообщение о катастрофе на станции Голицыно Московско-Брестской железной дороги (3 мая); в 1893 г. — статью «Гибель парохода Альфонс Зевеке» (22 июня), а в 1896 г. — знаменитый репортаж «Катастрофа на Ходынском поле» (20 мая). В 1898 г. в отделе «Внутренние известия» с 23 по 28 октября публиковалось несколько репортерских отчетов о похоронах в Рязани поэта Я. Полонского[21], с которым Гиляровский был хорошо знаком и с которым нередко встречался при жизни.

В целом работа Гиляровского в «Русских ведомостях» оставила у него приятное воспоминание[22], тем более что

редакция в 1908 г. тепло и сердечно отметила юбилей 25-летней литературной деятельности журналиста.

* * *

Второму периоду плодотворной работы в московских газетах предшествовал сравнительно небольшой отрезок времени, когда Гиляровский был сотрудником петербургской газеты «Россия» А. В. Амфитеатрова. В 1899 г. по просьбе редакции он заведовал московским отделением этой газеты. Его обязанностью было сообщать по телефону в редакцию наиболее важные московские новости.

В 1899 г. для газет злобой дня был пушкинский юбилей. Рубрика «Чествование Пушкина в Москве» в основном заполнялась материалами московского отделения газеты. Сам Гиляровский в воспоминаниях рассказал об интервью с В. А. Нащокиной — современницей Пушкина, опубликованном в газете Амфитеатрова. Здесь он напечатал рассказ «Преступление», корреспонденцию об эксплуатации рабочих в чайной фирме Высоцкого и Гоца и репортаж о поездке в Донские гирла, по его словам, «последний репортаж последнего года столетия»[23].

Но главное место в газете принадлежало материалам журналисту из Сербии. Амфитеатров требовал от своего московского коллеги сенсационных новостей, и Гиляровский решил, отправиться на Балканы. Балканских материалов в общей сложности было напечатано семь, начиная от телеграммы из венгерского города Омолдовы (1899, № 63) и кончая заметкой «Милан и г. Вишняков» (1899, № 84). Деспотическая политика сербского короля Милана и полицейский террор в стране сделались благодаря корреспонденциям русского журналиста предметом всеобщего осуждения, что способствовало разоблачению антинародной политики сербского правителя и спасло жизнь многим сербам.

Начало нового века для Гиляровского ознаменовалось тем, что он снова стал активным репортером большой московской газеты «Русское слово». «Работаю в „Русском слове“, — писал журналист, — только по… просьбе» Дорошевича. «Уезжая за границу, он всегда просил меня писать и работать больше, хотя и при нем я работаю немало»[24].

Несмотря на то что Гиляровский проработал в «Русском слове» более десяти лет (с 1901 по 1913 г.), у нас до сих пор нет более или менее полной картины сотрудничества журналиста в газете Сытина, характеристики тематики и жанрового

своеобразия его материалов. Многие публикации не выявлены и никем не собраны.

В 1901 г. публикации Гиляровского в газете еще носили эпизодический характер. Так, в сентябре (№ 258) он пишет очерк «Под землей», где рассказывает о впечатлениях репортера, побывавшего в артезианском колодце и в трубе, в которую заключено русло Неглинки. В декабре (№ 272) — очерк «Драматурги собачьего зала», позднее целиком вошедший в книгу «Москва газетная», и репортаж о пожаре строящегося здания гостиницы «Метрополь» (№ 345).

В 1902 г. Гиляровский опубликовал в «Русском слове» большой цикл очерков, зарисовок, статей, корреспонденции на болгарскую тему. Первый из них «По дороге на Шипку» появился в № 251, а последний — «Народ и войско Болгарии» — в № 276. Это были воспоминания, передающие впечатления от празднования в Болгарии 25-летия победы в Освободительной войне 1877–1878 гг. против турецкого порабощения. Все эти материалы написаны в манере восторженных путевых записок и представляют собой описания завершающих сражений, которые были разыграны на местах исторических боев в дни юбилея. Гиляровский, сохраняя в большинстве случаев репортажный характер своих материалов, рассказывая о торжествах, имитирующих боевые действия на полях былых сражений, вместе с тем говорит и о боях реальных, 25-летней давности, о подвигах и героизме русских и болгарских воинов, народа Болгарии, включая в повествование воспоминания живых участников боев. Этот сплав рассказа о празднестве и очерка реальных исторических событий героической давности составляет яркую особенность болгарских материалов Гиляровского в «Русском слове» 1902 г.

В том же году Гиляровский пишет для газеты две статьи в связи с постановкой пьесы М. Горького «На дне»: «Постановка» (№ 349) — о первом впечатлении от пьесы человека, хорошо знающего «дно» жизни, и «Час на дне» (№ 352) — о посещении Хитровки после спектакля. «Посмотрев пьесу Горького, я вздумал вчера подновить впечатление», — писал Гиляровский.

А несколько раньше, в № 304 «Русского слова», была помещена остроумная фельетонная заметка «Пора бы…» о нелепых названиях многих московских улиц и переулков:

> «…А Банных переулков семь! Безымянных — девятнадцать! Благовещенских — 4, Болвановских — три!
>
> Только три.

Мало по нашим грехам! Ей-богу, мало!
И Брехов переулок только один.
А вот Грязных — два.
Врут, больше! Все грязные и кривые!»

К теме борьбы балканских славян за свободу Гиляровский возвращается и в 1903 г. в рассказе «Божье дело» (№ 10, позднейшее название — «Правое дело»).

31 января в газете идет репортаж Гиляровского «Бесприютные», в котором говорится об отсутствии в городе надлежащей медицинской помощи роженицам и о нередком случае рождения ребенка прямо на улице. Родовспомогательное отделение при Воспитательном доме открыто на 2000 приемов в год, а их бывает 7000! «Ужасно родиться на улице!»

В феврале журналист высмеивает и уличает московских виноделов и виноторговцев в подделке вин. В апреле пишет о детях-беспризорниках Хитрова рынка (№ 90): «Нищета ни в чем не повинного ребенка — ужаснее всего в мире», — заключает автор. В № 182 помещена репортерская заметка «Зрелище» о факте вопиющего беззакония — отправке крестьян-переселенцев в вагонах для перевозки скота и др.

Социальная острота репортажей Гиляровского нарастает вместе с ростом социальных противоречий в стране. Особое место в 1903 г. занимает его репортаж-фельетон «Люди четвертого измерения» с подзаголовком: «Вечер смеха и забавы» (№ 78, 20 марта), рассказывающий об одном из литературных вечеров и содержащий критику ряда столичных поэтов-декадентов. Известен восторженный отзыв А. П. Чехова об этом репортаже: «Милый дядя Гиляй. Твои „Люди четвертого измерения“ великолепны, я читал и все время смеялся. Молодец дядя!..»[25].

Дело в том, что в течение февраля — марта в литературных кружках Москвы происходили бурные споры о «новом искусстве». Об этом рассказывает В. Я. Брюсов в своем дневнике[26]. Наряду с Брюсовым и Бальмонтом в них принимала участие «целая гурьба» юных декадентов. Многие из них выступали неудачно, их ругали газеты, в том числе и репортер «Русского слова». «Дядя Гиляй» высмеял именно этих молодых декадентов, которых он окрестил «подбрюсками». Особенно Гиляровский считал неудачным выступление Курсинского на вечере поэтов 19 марта. «Этого „оратора“, — писал Гиляровский, — за его неприличные выходки по адресу шестидесятых годов останавливает даже председатель…» Но окончательное мнение о молодых декадентах сложилось у него после того, как он увидел их в конце вечера за ужином, а затем — в карточной комнате, где обнаружилась их

ординарная буржуазная сущность.

> «О, если бы я не видел их в карточной комнате — я не написал бы ни слова об этом вечере!..
>
> В карточных комнатах четвертое измерение исчезло, а ярко выступили из „подбрюсков“ их буржуазные мозги с плебейской боязнью быть обманутыми…
>
> Они раскрыли свои карты!..
>
> — Ишь ты!.. — сказал бы Лука…
>
> Я бы никогда не сказал слова „подбрюсок“.
>
> И теперь я не говорю ни слова ни о К. Д. Бальмонте, ни о В. Я. Брюсове.
>
> Но мне их жаль в их последователях, в этих именуемых людьми, которые пыжатся, чтобы показаться заметными, чтоб чем-нибудь выделиться».

Необыкновенные люди, за которых они себя выдавали, люди мечтаний, снов, мистики, т. е. «четвертого измерения», оказались прозаичными чревоугодниками-практиками.

Творчество Гиляровского 1904 г. знаменательно статьями о Чехове, в связи с кончиной писателя, и известным репортажем о небывалом урагане в Москве. Ураган прошел 16 июня полосой по северо-восточной части города, от станции Карачарово до Сокольников и далее в направлении Ярославского шоссе. Репортаж был памятен для автора не только силой впечатления, произведенного самим происшествием, но и тем, что газета, где он был напечатан, достигла в тот день рекордного числа экземпляров — ста тысяч.

Гиляровский писал, что он «по счастью» оказался в центре событий, т. е. в центре сокрушительного урагана. По его рассказу об этом в «Москве газетной» и сообщениям в «Русском слове» можно достаточно точно установить и местонахождение журналиста, и время, и маршрут следования его по пораженной стихией местности вплоть до возвращения в редакцию.

Смерч действительно небывалой силы застал репортера где-то в районе Лефортова, Лефортовской площади, Лефортовского сада, близ Анненгофской рощи. Отсюда Гиляровский направляется по Красноказарменной улице, Коровьему броду, Хапиловской улице, пересекает Госпитальную, Ирининскую улицы, идет Гавриковым переулком мимо Ольховской улицы и выходит через Краснопрудную и Ивановскую улицы к Сокольникам. Здесь он берет извозчика и скачет в редакцию, по пути заезжая в Басманную и Яузскую больницы и полицейские части.

Ураган застал Гиляровского в Лефортове около 5 часов

вечера. В 10 часов журналист был уже в редакции. Два часа в кабинете Дорошевича он пишет репортерский отчет «Ураган. В Москве». Два часа спит здесь же на диване, затем читает набор полосы. Дорошевич заканчивает верстку номера, и в 2 часа ночи они вместе снова едут на место происшествия. С 3 часов ночи до рассвета обходят район бедствия. «В 7 часов мы с моим спутником поехали в город и до самого дома не обменялись ни одним словом. Впечатление ужасное», — писал Гиляровский в очередном номере газеты, заняв целый «подвал» взволнованным рассказом о стихийном бедствии, вызвавшем человеческие жертвы и большие разрушения.

Мы уже говорили, что с обострением социальных противоречий в стране в период 1903–1904 гг. Гиляровский публикует ряд острых репортерских отчетов о положении городской бедноты. К ним следует отнести и репортаж «Учащиеся работницы», опубликованный в «Русском слове» 21 октября 1904 г. (№ 293). Это произведение снова связано с положением трудовой женщины в Москве, в России. Репортаж посвящен организации дела помощи роженицам. В репортерской заметке «Бесприютные» журналист уже указывал, что родовспомогательное отделение при московском Воспитательном доме никак не удовлетворяет москвичей по количеству коек и это приводит к трагическим последствиям. Теперь он решил рассказать о жизни слушательниц московских акушерских курсов при том же отделении Воспитательного дома:

> «Два года жизни впроголодь. Два года беспрерывной работы при напряженных нервах, работы часто без сна, неделями не раздеваясь.
>
> В маленькой дежурной комнатке с четырьмя кроватями и столом посредине их помещается день и ночь тринадцать, а иногда сорок.
>
> Сидят разговаривают. Устало дремлют вокруг стола. Пьют чай иногда только с черным хлебом. Кто что принесет из дома. Днем им дают на дежурстве по тарелке супу и по котлетке, но не на всех, а на половину собравшихся. И они делят пополам все, что принесут им.
>
> Ночь. Они дремлют вокруг стола или по четверо спят поперек кровати в своей дежурке. Кое-как, до первого крика больной. Вдруг звонок от швейцара. И дежурная, уже сутки не спавшая, вскакивает и бежит вниз…»

Работа и учение без каникул, за слушание лекций — плата 35 руб. Но эти ученицы, сами находясь в исключительно трудных

условиях, способны делиться последней копейкой с роженицами, у которых нет денег, а чтобы оставить ребенка в Воспитательном доме, надо заплатить 25 руб. Большинство уносит новорожденных с собой. «Куда несут?» — спрашивает Гиляровский. И сам отвечает: «Ответ сплошь и рядом в „Полицейских ведомостях“».

Газетные выступления Гиляровского в «Русском слове» в 1903–1904 гг. интересны еще и тем, что в них он поднимает вопросы профессиональной работы репортеров. Это статьи-репортажи «По собственной неосторожности» (1903, № 166), «Три тысячи бритых старух» (1904, № 9) и некоторые другие. Автор высмеивает штампы в репортерской практике, вскрывает серьезные недостатки в работе репортеров по уголовным делам, издевается над хлестаковщиной, враньем, характерным для части буржуазных журналистов своего времени.

Русско-японская война вскрыла многие пороки в деле Организации снабжения армии. Гиляровский откликнулся и на эту тему. В начале 1905 г. он пишет знаменитый репортаж «Нитки» (№ 12–16), разоблачающий недобросовестных поставщиков швейных изделий для солдат и офицеров. Военную тему отразили и его репортерские зарисовки, выполненные на основе бесед с солдатами, вернувшимися в Москву. Все они посвящены героизму русского солдата («В поезде Стесселя», «Орлы орлиного гнезда», «Ничего»).

По-прежнему не проходит журналист мимо жизни простых горожан-тружеников. Он пишет о трактирных половых, о бедности штатных воспитателей (надзирателей, как их тогда официально называли) Воспитательного дома, о плохом состоянии благотворительных учреждений в городе, о бедствиях болгарской семьи Маноловой в Москве, о создании общества половых, о попытках борьбы с пьянством и т. д.; обращает внимание на пробуждающееся в народе стремление к улучшению своей жизни, условий труда.

Особо следует отметить пространный репортаж Гиляровского под названием «Праздник рабочих» (1905, № 118, 3 мая), — это рассказ о праздновании Первого мая в Сокольниках.

> «О первом мая в Сокольниках говорили давно. Носились слухи о „бунте“, об избиениях, разгромах. Множество прокламаций в этом духе было разбросано всюду. Многие дачники, из боязни этого дня, не выезжали в Сокольники, и дачи пустуют.
>
> Но это был измалеванный черт, которого, оказалось, бояться нечего.

Гулянье 1 мая в Сокольниках прошло благополучно. Народу было более 50 000…

Подстриженные, причесанные, одетые по средствам и обычаю, рабочие все были чисты, праздничны, и сновавшие между ними хулиганы и „ночные сокольничьи рыцари“ ярко отличались от них.

И когда эта „рвань коричневая“ подходила к группам рабочих, ее встречали не совсем дружелюбно…

…Если в толпе были только одни рабочие, — все обходилось благополучно, послушают, поговорят и мирно расходятся. Иногда после речей кричали „ура“, но было все смирно.

Не то, когда появлялись хулиганы и карманники!»

Далее шел рассказ о кратковременной панике, спровоцированной хулиганами среди гуляющих.

Заканчивается репортаж так:

«Городской праздник был окончен. Москвичи, натерпевшись страху в десятиминутной панике, убрались восвояси, кто на трамвае, кто на извозчике, кто пешком.

Рабочие остались в роще, заняли чайные столики, снова стали собираться в свои партии…

Часу в седьмом образовалась… одна партия, человек в триста, которая прошла по четвертому просеку до линии Московско-Ярославской ж. д. и на 5-й версте, на полотне, расположилась, и начались речи…

В самый разгар речей вихрем по 4-му просеку налетел взвод казаков, и толпа скрылась в чаще леса.

Это был последний эпизод в Сокольничьей роще 1 мая…

Все страхи и ужасы этого дня, навеянные некоторыми газетами и массой прокламаций, оказались вздорными.

Пусть же празднуют и рабочие!

Пусть 1 мая в Сокольниках будет их день. Как Татьянин день для студентов…»

Этим мы завершаем обзор репортерской деятельности Гиляровского в московских газетах, хотя она продолжалась и далее. Он печатает документальные очерки и рассказы, снова возвращается к теме городских трущоб, публикует несколько репортерских заметок о московской старине.

В 1908 г. журналистская общественность тепло отметила 25-

летие литературной деятельности Гиляровского, причем именно литературной, а не репортерской. Репортерская работа Гиляровского началась несколько раньше 1883 г. Писатель-журналист был тронут вниманием братьев-писателей и журналистов. В декабре 1908 г. он писал в «Письме в редакцию „Русских ведомостей“»:

> «Покорнейше прошу не отказать напечатать в вашей уважаемой газете следующее мое письмо:
>
> Много приветствий сердечных, славных получил я 30-го ноября в день 25-летия моей литературной деятельности. Ответить на каждое нет никакой возможности. Примите же вы, приветствовавшие меня, мою глубокую, сердечную благодарность за милое ко мне отношение. Примите спасибо от всей моей души.
>
> *Вл. Гиляровский»*

* * *

В. А. Гиляровский прославился, прежде всего, как репортер, хотя выступал в различных газетных жанрах и был в этом отношении разносторонним журналистом. Кроме того, он писал стихи и художественные произведения в прозе. Вопрос о Гиляровском — журналисте и репортере — неизбежно перерастает в вопрос о профессиональном умении, о наиболее продуктивных методах работы, о мастерстве журналиста вообще.

В наследии Гиляровского-журналиста много произведений, отвечающих всем признакам классического репортажа.

Репортаж — это не просто сообщение о событии, а новость документальная, известие, поданное через непосредственное восприятие журналиста с места действия, происшествия, это информационный материал, создающий «эффект присутствия». Репортаж отличают широкое использование образных средств, живой эмоциональный язык, динамичный показ событий. Он не столько сообщает о событии, сколько показывает его через восприятие автора — участника или свидетеля происходящего. Таковы лучшие репортажи Гиляровского: «Подземные работы в Москве», «Солнечное затмение под Москвой», «Катастрофа на Ходынском поле», «Ураган» и многие другие. Однако значительное число газетных выступлений журналиста не всегда укладывается в рамки требований жанра. Чаще это статья, заметка, очерк, отчет. И все-таки правы были современники Гиляровского, называя его по преимуществу репортером. Он

репортер прежде всего по своему амплуа, по положению в газете и методам работы над материалом. Большую часть жизни Гиляровский был «летучим корреспондентом», «всезнающим» москвичом. Почти в каждом его произведении, даже написанном в жанре отчета или корреспонденции, воспоминаний или рассказа, всегда есть элемент репортажа — кусочек живого диалога между участниками события, между журналистом, свидетелем описываемых событий, и героем или же признание самого автора о непосредственном присутствии его на месте действия, о репортерском методе наблюдения и сбора сведений. Очень часто, изложив сообщение в жанре отчета или заметки, журналист заканчивает его несколькими репликами участников события, тем самым придавая материалу репортажный характер. Даже рассказ он любил давать в стиле репортажа…

Гиляровский часто оказывался в гуще происходящего, но еще чаще выезжал на место происшествия после его свершения. Так было с Кукуевской катастрофой, так было и с пожаром в Орехово-Зуеве, в Гуслицах. Но и тогда из-под его пера выходил репортерский отчет не менее яркий, чем прямой репортаж. Это было все-таки сообщение с места действия, хранившего следы события, сообщение, окрашенное живыми мнениями, впечатлениями очевидцев. В нем раскрывались такие детали, которые не проявлялись в ходе непосредственного события, а были доступны только внимательному взору любознательного газетчика.

В этом отношении интересна работа журналиста над двумя сообщениями об урагане в Москве летом 1904 г. Первое из них было сделано тотчас после пережитого в необыкновенном воздушном потоке, а второе — спустя несколько часов, ночью и ранним утром следующего дня. Однако жанровые достоинства второго репортажа нисколько не слабее первого. И эффект присутствия, и эмоциональный строй, и живой диалог с людьми, пережившими катастрофу, — все признаки репортажа налицо.

Вообще Гиляровский убедительно показал, что материал, написанный после события (даже воспоминания) может быть хорошо передан именно в жанре и стиле репортажа. В этом отношении показательны его воспоминания о своем первом полете на воздушном шаре. Написанные впервые 40 лет спустя после события для книги «Мои скитания», они читаются и воспринимаются как прямой репортаж, лишь дошедший до нас с запозданием. В той же книге в жанре репортажа описан «Эрмитаж» Лентовского и жизнь бурлаков.

О бурлаках, о тяжести их труда, знают все, но только у Гиляровского читатель прочувствует профессиональные

особенности бурлачества. Его заметки дают возможность представить реально, зримо труд и быт бурлаков, их положение, рабочий день, прием пищи, отдых, раскрывают их психологию и манеру поведения. Описание бурлацкого труда в книге «Мои скитания» выдержано в репортерском стиле, в динамике движения; автор сообщает яркие профессиональные подробности и детали, использует специальную лексику, терминологию бурлаков, их. песни-речевки («Белый пудель шаговит, шаговит…») и т. д.

Как все газетные репортажи Гиляровского, рассказ о бурлачестве написан с такими подробностями, так обстоятельно, что любой вопрос, возникающий у читателя по мере чтения, находит разрешение в самом тексте. Повествование как бы предусматривает возможные недоумения читателя. Это свойство всех репортажей Гиляровского — никаких неясностей при весьма экономной манере изложения.

Гиляровский настолько мастерски владел жанром репортажа, что даже некоторые его рассказы выдержаны в манере и стиле репортажа. Наиболее типичный пример тому — рассказ «В вихре», опубликованный в сборнике «Литературные вечера» в 1907 г.

В рассказе о поездке в Болгарию в 1902 г. не только настоящее подано средствами репортажа, но и прошлое предстает как настоящее, сиюминутное: «Тихо спускался скобелевский отряд по снежным Балканам с Лысой горы и дошел до полного отрыва в невидимую пропасть. Справа — снежная стена, закутанная облаками. Слева — продолжение этой стены вниз, в пропасть. Ни вперед, ни назад! А впереди — Долина роз, усыпанная турецкими войсками. Дальше некуда! И кругом выстрелы.

Все-таки идут. Ползут, прорывают дорогу в снегу отвеса и двигаются поодиночке. И обрываются люди с кручи в пропасть, и некогда их спасать…» (Русское слово, 1902, № 251).

Владимир Алексеевич обладал природными качествами, способностями репортера: был общителен, подвижен, выносли в, смел, хорошо знал жизнь, ее светлые и темные стороны. И тем не менее ему пришлось в труде осваивать профессию журналиста.

Гиляровский обучался репортерскому делу в процессе работы, на ходу. Не только Пастухов понуждал его к неустанной работе, требовал точности, верной оценки событий, но и редакторы других газет. Часто его посылали на задания, требовавшие профессиональных навыков и знания обстановки, той или иной области человеческой деятельности, которыми журналист при всем своем большом жизненном опыте не обладал.

«В 1882 г. редакция командировала меня дать отчет о скачках, о которых тогда я и понятия не имел»[27], — писал Гиляровский в «Москве газетной». Тем не менее с заданием он справился и даже со временем стал своим человеком на ипподроме.

Также новым было для него писать репортажи из зала суда или с места пожаров.

В репортажах Гиляровского часто можно найти указания на то, что он сам был очевидцем событий, описания, как и когда прибыл на место происшествия, от кого получил необходимые сведения и т. д. Тайны из этого журналист почти никогда не делал, хотя не всегда редакторы (по разным причинам) печатали его сообщения полностью. Поэтому в воспоминаниях Гиляровский иногда приводит дополнительные факты, раскрывает отдельные приемы и эпизоды своей репортерской работы, которые сопровождали выполнение редакционного задания.

Так, в книге «Мои скитания» он как бы приоткрыл профессиональную тайну, сделав дополнение к репортажу 1882 г. из Орехово-Зуева, опять же выдержанное в духе репортажа, о любопытном разговоре его с полицейским чином о причинах пожара. После рассказа о том, как сбивчиво и неохотно отвечал на вопросы корреспондента фабричный врач, покрывая администрацию, чем и заканчивается газетная корреспонденция, Гиляровский в книге продолжал свое повествование так:

> «Думаю рисканем. Пошел разыскивать самого квартального. Оказывается, он был на вокзале. Иду туда и встречаю по дороге упитанного полицейского типа.
>
> — Скажите, какая, по-вашему, причина пожара?
>
> — Поджог! — ответил он как-то сразу, а потом, посмотрев на мой костюм, добавил строго:
>
> — А ты кто такой за человек есть?
>
> — Человек, брат, я московский, а ежели спрашиваешь, так… могу тебе и карточку с удостоверением показать.
>
> — А, здравствуйте! Значит, оттуда? — и подмигнул.
>
> — Значит, оттуда. Вторые сутки здесь каталажусь… Все узнал. Так поджог?
>
> — Поджог, лестницы керосином были облиты.
>
> — А кто видал?
>
> — Там уже есть такие, найдутся, а то расходы-то какие будут фабрике, ежели не докажут поджога… Ну, а как ваш полковник поживает?
>
> — Какой?

— Как какой? Известно, ваш начальник, полковник Муравьев… Ведь вы из сыскного?

— Вроде того, еще пострашнее. Вот глядите.

И, захотев поозорничать, я вынул из кармана книжку с моей карточкой, с печатным бланком корреспондента „Московского листка“ и показал ему.

В лице изменился и затараторил.

— Вот оно что, ну ловко вы меня поддели… нет, что уж… только, пожалуйста, меня не пропишите, как будто мы с вами не виделись, сделайте милость, сами понимаете, дело подначальное, а у меня семья, дети, пожалейте.

— Даю вам слово; что о вас не упомяну, только ответье на мои некоторые вопросы.

Мы побеседовали, я от него узнал всю подноготную жизнь фабрики, и далеко не в пользу хозяев говорил он»[28].

В воспоминаниях, рассказывая о катастрофе при раздаче милостыни у дома Губкина в Москве, Гиляровский также более точно охарактеризовал действия полиции, нежели в газетном репортаже.

Прибыв на задание, Гиляровский в первую очередь оценивал возможность оперативной связи с редакцией. Это интересовало его прежде всего. По условиям того времени было немаловажно знать заранее, когда будет обратный поезд, где имеется телеграф или телефон, с кем и каким путем можно от править депешу, чтобы она утром попала в номер. Такая забота была проявлением большой ответственности, и Н. Морозов, хорошо знавший Гиляровского, отмечал эту особенность репортера как черту его рабочего стиля. Он писал: «Как опытный журналист Владимир Алексеевич всегда любил находиться на всякий случай поблизости от телефона»[29]. А выехав на станцию Лосиноостровская по делу о нападении на банк, выпрыгнув на ходу с поезда дальнего следования (ибо ночью пригородных поездов не было), журналист первым делом «идет узнать, когда отправляется на Москву первый поезд, чтобы к сроку вернуться в редакцию, а затем уже спешит на место происшествия»[30].

На месте происшествия журналист всегда внимательно осматривал местность, искал очевидцев, пытался получить дополнительные сведения, определял социальную версию случившегося, старался быть безупречным с точки зрения фактического изложения событий. Его отличало умение расположить к себе нужного человека, а иногда «взять на пушку»

администратора или хозяйского служащего.

Особенностью Гиляровского-репортера, корреспондента, было то, что он не перегружал свои материалы деталями, не относящимися к существу дела. Его впечатления от любой репортерской поездки, были значительно шире и богаче тех сведений, которые обычно помещались им в газетах и которые были необходимы для освещения события. Многие интересные детали, сопутствовавшие поискам материала и очевидцев, а также относящиеся к техническим условиям исполнения редакционного задания, как правило, не входили в текст репортажа или статьи. Но именно это обстоятельство и предоставляло большие возможности для дальнейшей работы, для воспоминаний.

Кроме того, редакция, как и в наше время, ограничивала объем, сокращала материал, убирая не относящиеся к делу детали. Гиляровский на это никогда не обижался и сам старался писать только о главном. Запас сведений никогда не тяготил его. Но благодаря ярким деталям воспоминания и рассказы журналиста о репортерской работе и отдельных поручениях иногда, выглядят содержательнее и интереснее, нежели сами газетные репортажи. И удивляться этому не следует.

Вот небольшой пример — посещение Гиляровским юбилейного спектакля оперы «Демон» в Большом театре. Оно запомнилось не только тем, что дирижировал оркестром сам Антон Рубинштейн[31], но и необычайным обстоятельством присутствия журналиста в опере.

Гиляровский прошел в театр без билета, и у него не было места в зале. После первого акта он собрался уже уходить, когда его остановил знакомый полицейский пристав тверской части и, узнав, что у Владимира Алексеевича нет места, пристально посмотрел в зал, подозвал какого-то молодого франта, отобрал у него билет и отдал Гиляровскому. Этим франтом оказался известный московский жулик-карманник Пашка Рябчик. Таков был единственный случай, «когда мне, журналисту… пришлось участвовать в полицейской взятке»[32], — шутливо вспоминал Гиляровский.

Гиляровский любил точность. Это была профессиональная черта лучших репортеров, ибо были репортеры и бесчестные, бесцеремонные врали и выдумщики. Но вместе с тем в любом событии Гиляровский видит не только сюжетную фабулу, основное его внимание всегда отдано людям — непосредственным участникам событий и тем, кто лишь присутствует (как и он) при этом. Отсюда — запас сведений, новостей, знакомств. Его наблюдения многогранны, несмотря на частое прямое участие в событиях, как, например, при тушении

пожаров.

Обилие сведений, сведений «про запас», неожиданно срабатывало позднее.

Репортаж о солнечном затмении под Москвой во многих отношениях может быть образцом репортажа Гиляровского. Прежде всего, это деловой, точный в деталях рассказ очевидца о событиях полета аэростата с профессором Менделеевым на борту во время солнечного затмения. Репортер дает понять, что он был участником всех событий кануна дня примечательного явления и наблюдателем самого полета. Он пишет об отъезде из Москвы: «Я вошел в вокзал»; «Я с трудом нашел место в одном из вагонов, битком набитых публикой. Уснуть, даже прилечь, места не было, и пришлось целую ночь не спать»; «Вслед за другими я отправился к шару». Гиляровский не избегает поэтических сравнений, пейзажных зарисовок. Однако подобные поэтические приемы используются им крайне сдержанно, с чувством меры. Так, он сравнивает силуэт шара с фантастической головой из поэмы «Руслан и Людмила», пишет о «золотистых отблесках зари на узких грядах легких облаков». Но главное внимание — к фактической стороне подготовки полета, поведению людей, настроению, техническим подробностям, описанным с исчерпывающей полнотой и ясностью. Чувствуется стремление зафиксировать факты, как можно больше фактов, дать хронометраж событий.

Для сравнения манеры репортерского сообщения возьмем посвященный этому же событию материал другого корреспондента «Русских ведомостей», опубликованный в № 218 от 9 августа. Подписан репортаж «Гр. Д-въ» (Джаншиев?).

> «Давно, вернее сказать, никогда — на нашей улице, в Клину, не было такого шумного многолюдного и веселого праздника, как день солнечного затмения… С 4 часов публика начинает собираться около места, где воздушный шар, вздрагивая от дуновений ветра, воспринимает через гуттаперчевый канал, словно младенец в утробе матери, последние атомы жизненной энергии, прежде чем оторваться от матери-земли и пуститься в эмпирею…»

Многословие, расплывчатость, стремление к «красотам» стиля отличают этот репортаж от материала, подготовленного Гиляровским. Почему день солнечного затмения — праздник? Почему водород назван «атомами жизненной энергии»? Почему шар, который должен подняться на определенную высоту, пускается «в эмпирею»? Репортаж Гиляровского свободен от

подобных трафаретных для того времени мест. Он предельно точен, документален. И когда 12 августа в газете «Русские ведомости» Менделеев опубликовал Письмо с подробностями своего полета («…так как известия о моем поднятии из Клина, — писал он, — на военном аэростате „Русский“ 7 августа… могут заключать неточности при передаче по слухам»), то в репортаже Гиляровского определилась только одна неточность: он указал время подъема шара 7 часов 46 минут, Менделеев — 6 часов 38 минут «по среднему клинскому времени». Видимо, эта поправка на местное время и стала причиной расхождения в определении часа отлета.

Возьмем другое сообщение журналиста — о ловле бездомных собак в Москве. Эта тема волновала москвичей, поскольку введенные в 1886 г. правила отлова одичавших собак выполнялись с большими отступлениями. Газета незадолго до появления статьи Гиляровского не случайно напоминала условия отлова бездомных собак, но этого, видимо, было мало. И вот 23 июля 1887 г. появляется большой материал Гиляровского «Ловля собак в Москве». В жанровом отношении это бесспорный репортаж, хотя и с элементами статьи в нем, особенно там, где рассказывается о правилах отлова собак на улицах города. Чтобы до конца узнать механизм поимки собак, мотивы, которыми руководствуются лица, приставленные к этому делу, Гиляровский обратился к людям, занятым подобным промыслом, как человек, у которого якобы пропала собака. Это тот случай, когда можно сказать: репортер меняет профессию. Такая позиция позволила не только познакомиться с неприглядными условиями содержания у некоего Грибанова отловленных собак, но и с барышничеством, которое поощряло похищение породистых собак, с нарушениями инструкции порядка изоляции бездомных животных.

Подробное изложение условий отлова, содержания и тайной перепродажи собак, которые удалось установить репортеру, всех хитростей этого промысла было действенным и быстро вызвало отклик администрации. Уже в № 209 был перепечатан отрывок из приказа московского обер-полицмейстера о нарушении Грибановым условий отлова собак и усилении контроля за ним со стороны чинов полиции.

Характерен для практики журналиста репортаж о пожаре и об обвале потолков на фабрике Хлудова. Гиляровский приехал на место происшествия после того, как главные события совершились — пожар на фабрике утих. Он проявил максимальную оперативность, сумев «прорваться» в Егорьевск тотчас после полученного известия о пожаре, несмотря на препоны, которые чинили «сторожа-церберы» и полиция. По

прибытии Гиляровский знакомится с местом происшествия, ведет опрос людей, переживших катастрофу, точно, используя прямую речь, передает их слова, восстанавливает всю картину катастрофы. Это создает у читателя впечатление очевидности.

В этом репортаже проявляется и другое качество, характерное для многих репортажей журналиста, о котором мы уже говорили, — исчерпывающий характер сведений о происшествии. Практически у читателя не остается вопросов, касающихся фактической стороны события, все они — о причинах пожара, самом пожаре, поведении людей, жертвах, состоянии семей погибших, убытках — как бы предусмотрены заранее.

Но вместе с тем пожар — «профессия» Гиляровского-репортера, видевшего их много и часто. У него есть материал для сравнения. Он отличает индивидуальные особенности именно этого пожара, находит в себе силы довольно красочно обрисовать обгорелые, оледенелые руины фабрики. Это окрашивает материал эмоционально, добавляет документальности и, кроме того, дает возможность снять до известной степени ощущение трагичности и отчаяния.

Гиляровский много писал о трагедиях: убийствах, грабежах, пожарах, о погибающих от голода и холода людях, о жертвах железнодорожных и иных катастроф, об обреченных на смерть рабочих. Но, несмотря на это, в его репортажах никогда нет чувства безысходности. И сам он не стал мизантропом.

Рассказав о катастрофе на фабрике Хлудова и приведя в конце репортажа перечень погибших, Гиляровский не играет на чувствах читателей, а стремится в целомудренной манере привлечь внимание к пожертвованиям в пользу семей погибших. Он не ужасает читателя числом жертв: они говорят сами за себя.

При всей драматичности события — страшной силы пожар и разрушение здания — Гиляровский увлеченно пишет о мощи стихии огня, живописно рисует пейзаж обгоревшего, искрящегося от наледей фабричного корпуса — такое зрелище он сам видит впервые.

Даже описание Кукуевской катастрофы заканчивается не трагической, щемящей нотой, а трезвыми суждениями рабочих о порядках, установленных на частных железных дорогах. Такая концовка разряжает напряжение сознанием того, что народ знает истинных виновников подобных трагедий.

А в книге «Мои скитания» очерк о Кукуевке вообще завершается рассказом о посещении Гиляровским и Е. М. Гаршиным Полонского в Спасском-Лутовинове, имении Тургенева, сценами бесед и отдыха на лоне прекрасной летней природы после пережитого.

И еще одно важное качество отличает Гиляровского-журналиста: постоянное искреннее внимание к людям труда и условиям их жизни. В репортаже 1882 г. из Орехово-Зуева он говорит о необходимости фабриканту Морозову позаботиться о своих рабочих. О безвыходном положении семей погибших при пожаре на фабрике Хлудова, в частности 45-летнего рабочего Титова, проработавшего на фабрике 33 года, пишет Гиляровский в 1886 г. В репортаже «С гуслицкого пожара» (1887) журналист не забывает отметить: «Героем дня в деревне явился 13-летний мальчик Гаврило Лаврентьев», спасший из горящей избы младшего брата.

Не раз писал он о героическом поведении пожарных при тушении огня.

В канун первой русской революции журналист выступил в защиту рабочих-татар чаеразвесочной фабрики, девушек-учениц московских акушерских курсов, трактирных половых и других категорий городского трудящегося люда… И так всю жизнь.

Гиляровский был терпелив к традициям каждой газеты, в которой он работал, приемам оформления его материалов, которые зависели иногда от технических возможностей, а иногда и от редакторов. В хронике «Русских ведомостей», например, его репортерские сообщения печатались сплошным текстом, сверхэкономно, почти без абзацев. И наоборот, в «Русском слове» Дорошевич, верный собственной манере письма, разбивал материалы журналиста на короткие фразы, абзацы. Озабоченный фактической стороной дела, Гиляровский не придавал этому большого значения и соглашался с требованиями редакции.

Когда журналист начал писать свои знаменитые книги-воспоминания, его стали одолевать сомнения: нужны ли его впечатления о прошлых событиях современному советскому читателю. Его друг и младший коллега Николай Морозов сказал ему: «…кроме вас о Москве писать некому… Это ваш долг писать о Москве, это ваша тема, ваша ноша… Написанные вами в прошлом тяжелые картины босяцкого и бедняцкого быта будут всегда служить обвинительным приговором против капиталистического строя… А советский читатель скажет вам спасибо, что вы описывали жизнь этих людей, опустились к ним на дно, хотели им помочь»[33].

И Гиляровский с ним согласился.

Современный журналист-репортер с особым интересом перечитывает книги и репортажи Гиляровского[34], старается в опыте короля репортеров прошлого века найти драгоценные крупицы профессионального мастерства, заражается его неуемной любознательностью, интересом к людям труда,

преданностью нелегкому делу летописца современности.

II

РЕПОРТАЖИ ИЗ «МОСКОВСКОГО ЛИСТКА»

ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ. ИЗ ТРОИЦКОГО ПОСАДА

(От нашего корреспондента)

6 октября

Все в посаде теперь крайне заинтересованы страшным злодейством, виновником которого была крестьянка Елена Алексеева, а жертвами крестьянин Семен Филиппов, огородник, его жена и малолетний сын.

Вот подробности преступления: 30 минувшего сентября крестьянка Елена Алексеева, работавшая на огороде у Филиппова поденно (рубили с гряд капусту), вечером, рассчитываясь с ним, увидала у него деньги, и это, кажется, повлекло за собой преступление. Когда все рабочие ушли, она осталась ночевать у хозяев, и тут злодейство было совершено.

Чтоб подробнее и яснее объяснить факт, опишем место действия. Это обыкновенная небогатая крестьянская изба, в 2 сажени длины, полторы ширины и сажень с небольшим высоты. Направо, при входе в дверь, широкая кровать, сделанная из досок на козлах, дальше от нее до переднего угла идут широкие лавки и стол. Налево — русская печь с местом для спанья, между ним и потолком — пространство не более 3/4 аршина, далее, за печкой, дверь и перегородка кухни, куда и выходит устье печи.

В роковую ночь на 1 октября несчастная семья расположилась следующим образом: хозяин и средний сын, мальчик 7 лет, легли на печь, жена его на кровати с двумя детьми, мальчиком 4 и девочкой 6 лет, старший мальчик (11 лет) на лавке и грудной ребенок в люльке, в комнате налево. Елене Алексеевой постлали между столом и перегородкой, на полу. Хорошо поужинав, наработавшись день, — а сам Филиппов даже немного подвыпивши, — все заснули крепким, спокойным сном…

Но не все: не спала ужасная преступница, задумавшая страшное дело… Уверившись вполне, что все спят крепко, она зажигает свечу, берет топор, которым днем рубила капусту, потихоньку подкрадывается к Филиппову, спящему беззаботно на печи, и ударом топора наносит ему рану в голову. Но удар смертельным быть не мог, потому что топор, во-первых, был тупой, а, во-вторых, размахнуться не было возможности, потому

что вследствие высоты печки голова Филиппова была не более как на два аршина от потолка. Видя, что рана не смертельна, она продолжает наносить удары <…> В это время жена огородника, должно быть, разбуженная стонами мужа, просыпается и вскакивает с постели.

Преступница в исступлении бросается на нее и начинает рубить ее топором… та защищается бессознательно, по чувству самосохранения, шалью, попавшейся под руку, и наконец падает истекая кровью… На руках, голове, теле у ней до 30 ран!

В это время заплакал мальчик, спавший на печке с отцом, — преступница опять прыгает на печку и наносит малютке рану в спину, а вторым ударом сдирает с левой стороны покровы черепа…

В это время мальчик 11 лет и девочка успели проскользнуть в дверь и уйти на улицу. Мальчик побежал к своему дяде, родному брату огородника Филиппова, тоже огородника, жившему невдалеке.

Прибегает, будит дядю, говоря:

— Дядя, работница мамку до крови топором зарубила!..

Пришедшему Филиппову представилась такая картина: свеча горит; на кровати лежала бедная мать, изуродованная, обливаясь кровью, лишенная чувств, подле нее сидящий в оцепенении мальчик — сын, незамеченный, должно быть, убийцей, другой, с раскроенным черепом на печке, и подле кровати в луже крови <…> лежал Филиппов…

Велика неестественно-невероятна сила этого человека! Несмотря на страшные, зияющие раны, он имел силы спуститься с печки, и когда пришел брат, подняться и, хватаясь окровавленными руками за стены, опять взобраться на печь…

Составлен был немедленно акт, и раненые отправлены в больницу.

Сегодня в 10 часов утра я был в больнице. Филиппов находился в предсмертной агонии и, по словам доктора, не проживет и двух часов. Раны ужасные <…> На вид Филиппов, прежде полный, здоровый человек, считавшийся замечательным силачом, теперь представляет скелет. Вчера лишь, на 5-й день, он впал в забытье, а первые четыре дня говорил понятно и был в полном рассудке.

Жена находится в женском отделении больницы. Благодаря хорошему уходу и вниманию доктора, она, несмотря на свои 30 ран, находится в сравнительно хорошем положении, так что говорит и кормит ребенка грудью, но надежда на выздоровление плоха, потому что этот страшный случай сильно потряс ее нервную систему. Раненый мальчик уже оправился настолько, что

выписан сегодня из больницы и находится у дяди.

Преступница — здоровая сильная баба 28 лет. Прошлое ее приблизительно такое. Несколько лет тому назад, девушкой, она поступила на содержание к N, но потом, когда он ее бросил, жила три года с одним каменщиком, а когда и тот ее бросил, — несколько времени жила в кухарках, потом стала ходить на поденщину. Последнее время часто видали ее по трактирам.

Поймана она была 1 октября билетным солдатом в кабаке. В настоящее время она под арестом, и не только сохраняет полное присутствие духа, но даже дерзко отвечает на вопросы.

1881, 8 октября, № 57 (в сокращении). Подписано: Вл. Г-й

ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ. КОЛОМНА

(От нашего корреспондента)

20 февраля

<…> А сколько здесь нищих. Боже, сколько здесь нищих! Виноваты же в этом наши коломенские купцы благотворители, плодящие этих тунеядцев, раздавая им «скромную лепту от своих трудов праведных». У многих из них назначены для нищих особые jours fix, когда выдается им по 5 и 10 копеек на каждого. В эти дни обыкновенно все кабачки и трактиры, излюбленные нищей братией, бывают полны, и на лепту благотворительности, всецело поступающую на стойку кабатчиков, задаются такие оргии, что просто умопомрачение. Я это говорю про «специальных» нищих, по профессии. К ним не причисляю я крестьян, погоревших или пострадавших от неурожая и других многих причин. Это — действительно нуждающиеся — но ведь им можно бы помочь иначе на деньги, бросаемые купечеством.

Кроме обыкновенных нищих сюда прибыли еще две семьи воронежских цыган. Эти уж действительно нищие, в полном смысле слова. На берегу Москвы-реки, 1/2 версты от города, раскинуты два шатра, из дырявой дерюги — это их жилища. Внутри разложен огонек, где они варят себе незатейливую пищу — вода с капустой — щи, печеный картофель и что-то вроде варенцов на подонках постного масла. В каждом шатре человек по десяти, грязных, полураздетых, полуголодных… Когда я вошел к ним, на меня бросилась громадная овчарка; но сейчас же была и остановлена. Меня приняли очень ласково.

— Садись, барин, посмотри на цыганское житье, погрейся! —

предложил мне старший из них.

Я присел к огню. Замазанный до последней степени, с соломой и сором в курчавой голове, мальчик лет десяти вытащил из золы полусырой картофель и подал его мне.

— Так, Гуза, так, угощай барина! — смеясь заметил ему отец. Все рассмеялись и что-то пробормотали между собой на своем удивительном наречии.

Глава их, мещанин воронежской губернии Бобров, подал мне две бумажки и просил прочитать. Первая оказалась отношением из Бобровской мещанской управы, крайне безграмотно написанным, в котором говорилось, что мещанин Бобров за получением паспорта должен явиться сам, так как с него следуют подати, и он состоит в подозрении полиции (подлинные слова бумаги). Другая же бумага оказалась отсрочкой на два месяца, выданной на проживание в Коломенском уезде.

— Вот, барин, и туда меня зовут, и отсюда не пускают! Как быть? А здесь жить нечем, надо идти, и идти нельзя.

— Так что же вы думаете делать? — спросил я.

— Христа ради сбираем, лучше здешнего купечества и не найти. Другой, положим, и поломается над тобой, и фараоном египетским назовет, и все-таки даст пятачок. Опять вон мачка (он указал на старуху, сидевшую у костра) гадать умеет — купчихи любят, тоже кой-что дадут.

Посидев еще несколько минут и надышавшись едким дымом костра до головокружения, я распрощался с цыганами и отправился домой. Дорогой встретил одного знакомого купца старика: идет весь мокрый в грязи.

— Что вы это? — спросил я его.

— Извозчик, батюшка, в лужу вывалил, вишь нас, на главной улице, чистое море стоит, поглядь.

Я взглянул. Действительно, весь правый бок Большой улицы представлял собой бурную реку.

— Как же вывалил извозчик, в яму, что ли, заехал!..

— Канавы ведь под водой-то, разве у нас чистят улицы-то! Да и упади в другое время, ничего бы, а то в Рязань ехать молебен Николаю Чудотворцу служу — потому опасно уж, на верную гибель будто идешь.

— Почему так?

— Да мост через Оку, говорят, уж плох очень. Ведь свой-то срок отслужил, а нового не дают еще! Наше вам почтение, скорей домой, переодеваться надо!

Купец пожал мне руку и поплелся домой.

Действительно, о мосте через Оку давно бы следовало позаботиться Рязанской дороге.

1882, 22 февраля, № 53 (в сокращении). Подписано: Проезжий корнет

ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ. ОРЕХОВО-ЗУЕВО

(От нашего корреспондента)

1 июня

28 мая, в половине двенадцатого часа ночи, в спальном корпусе № 8, где находились денные рабочие с семействами, а равно семейства отсутствовавших, вспыхнул пожар и в одно мгновение охватил все здание. Люди в страшном испуге бросились к выходу, но немногие успели спастись этим путем. Остальные начали бить и ломать оконные рамы и бросаться с высоты второго этажа на землю. Ужасную картину представляло горящее здание: в окнах, из которых, прорываясь в разбитые стекла, валил дым и языками поднималось пламя, зажигая наружную часть стены, метались рабочие, тщетно стараясь выбить крепкие, наглухо заделанные рамы… Вот в одном из окон, на виду всех, высокий мужчина отчаянно бьет самоваром по раме, но тщетно! Несчастный задыхается в дыму и падает мертвым… Огонь окончательно охватил окно… В другом окне появилась женщина с грудным ребенком на руках… волосы и платье ее пылают… Ей успели подать лестницу, спасли ее, и всю обожженную отправили в больницу вместе с ребенком… Это жена крестьянина Сычевского уезда Смоленской губернии Сорокина. Муж ее в это время лежал без чувств на руках своего сына, только что возвратившегося со смены. Сорокин тоже обезображен донельзя… На лице и руках у него кожа и мясо болтались лохмотьями. Дочери его, Марфы, одиннадцати лет, и до сих пор найти не могли. Из одного окна отец бросил свою малолетнюю дочь, которая была поймана кем-то на руки и осталась невредимой, а вслед за ней, весь в огне, прыгнул и сам несчастный… Лестниц было немного, да и те не имели никакого значения, потому что окна были забиты, не отворялись, и выбить их было чрезвычайно трудно, так как здание было новое. К счастью, быстро прибывшая фабричная пожарная команда с паровыми трубами отстояла соседние казармы и бараки, или, вернее сказать, темные чуланы, где помещались рабочие, и жертвою пламени сделался только один верхний этаж корпуса № 8. Вот как рассказывает жена рабочего Кулькова о начале пожара:

— Спали мы в чулане, сзади казармы, а проснувшись, отправились на смену, часу в двенадцатом. Только что я вышла — вижу, в окне третьей каморки, вверху, огонь и дым валит. Максим! — мужа зову, — гляди-ка, никак пожар? Он вышел из чулана, и мы побежали в корпус — вещи наши там были. Только прошли через кухню в коридор, а уж огонь-то в нем. Крикнули: «Спасайтесь, горим!» Ну, народ начал выбегать, а уж коридор сразу со всех сторон горел. Как я выбежала на двор — не знаю — муж мой из окна выскочил, скамьей его вышиб и кричит, помощи просит… Народ из окна лезет, падает, кричит. Казарма уж сразу вся в огне была… Действительно, корпус загорелся сразу, и к утру весь второй этаж представлял из себя развалины, под которыми погребены были тела погоревших. В субботу найдены были трупы, обуглившиеся, потерявшие человеческий вид; некоторые из них валялись сверху обломков, а некоторые под ними. Особенно трогательную картину представлял труп женщины с двумя обгорелыми детьми на руках. Это жена сторожа, разрешившаяся в момент пожара… Далее были найдены еще два ребенка, сын и дочь отставного солдата из Динабурга Иванова. Сам же Иванов, получивший страшные обжоги и ушибы, лежит в больнице.

В груде пепла и обломков найдено пока одиннадцать трупов, которые и похоронены в тот же день. Детей клали в один гроб по несколько человек. Похороны представляли печальную картину: одиннадцать гробов были положены в простые телеги и отвезены на кладбище!.. Обломки на пожарище не все разобраны. Предполагают, что найдутся сгоревшие, так как, по словам рабочих, несколько человек недостает.

Причины пожара объяснить никто не может, но ввиду того, что громадная казарма, имеющая семнадцать окон по фасаду в каждом этаже, вспыхнула моментально, загоревшись в разных концах, предполагают поджог, тем более что, по уверению фабричных, всё лестницы в корпусе были облиты керосином.

Получивших обжоги и ушибы при прыжках со второго этажа насчитывают до тридцати человек, из которых большая часть находится в больнице…

Пожар навел страшную панику на рабочих. Так, например, в понедельник, 31 мая, в казарме № 5 при раздавшемся крике «горим! пожар!» произошел неподдающийся описанию переполох, но тревога оказалась напрасной — пожара не было. Теперь рабочие, для безопасности, привязывают у окон веревки, чтобы избегнуть страшного несчастья быть заживо поджаренными.

1882, 4 июня, № 151. Подписано: Свой человек

ОРЕХОВО-ЗУЕВО

4 июня

Упавшую крышу и обгорелые бревна на погоревшем корпусе Морозовской фабрики сняли, но до сих пор не разрывают землю, свалившуюся с накатов и покрывшую уцелевший пол второго этажа здания. Между рабочими носятся упорные слухи, что под этой землей есть еще трупы сгоревших. В больнице из числа помещенных туда обожженных шесть человек умерли и были похоронены на так называемом Мызинском кладбище. Кладбища здесь два: одно около церкви, близ села, называемое Ореховское, а другое Мызинское. На первом хоронят только жителей известных деревень и сел или тех умерших, для которых откупят место, а на другом всех без исключения. Мызинское кладбище находится в полуверсте от церкви в небольшом сосновом лесу, на песчаном кургане. Тут же похоронены и одиннадцать человек сгоревших. На днях еще привезли из больницы несколько человек на кладбище, но на вопросы: «что это, из числа пострадавших?» ответ последовал отрицательный. И уже потом объяснилось, что «запрещено» говорить, что умирают погорельцы. Вообще происшедшую катастрофу и все ее последствия здесь хотят прикрыть почему-то непроницаемой завесой…

Так, например, желая узнать и проверить ранее добытые нами из уст посторонних и пострадавших фабричных известия, мы обратились с этой целью к местному надзирателю, старику, получающему жалованье от Морозовской фабрики, но от него получили полнейший отказ сообщить нам необходимые сведения.

Не добившись ничего от блюстителя порядка, мы обратились к фабричному врачу. Но и этот последователь Эскулапа настолько пропитался тем же фабричным духом таинственности, что решительно отказался отвечать на наши вопросы.

— Скажите, по крайней мере, доктор, сколько у вас в больнице обгоревших? — спросили мы.

— Ничего-с, ничего-с, ничего-с не могу сказать! Обратитесь или в контору, или, самое лучшее, к следователю, — был ответ.

— Не можете ли вы сказать, удовлетворительно ли их здоровье, поправляются ли они после обжога?

— Ничего-с, ничего-с, ничего-с не могу сказать! Обратитесь в контору или…

— Но скажите, пожалуйста, умер кто-нибудь из них? Ведь это же не секрет!

— Ничего-с, ничего-с, ничего-с не могу сказать! Обратитесь лучше… — и, не кончив речи, врач ретировался.

Между тем, несмотря на молчание врача, известно, что в больницу после пожара труднобольных поступило 29 человек. Но сколько из них поправилось и сколько умерло — неизвестно.

В настоящее время на фабрике идут переделки. К нерастворяющимся рамам начали приделывать петли, по стенам казарм наставили несколько деревянных лестниц… и только! Почти все корпуса, и даже самый громадный — прядильный, снабжены лишь старыми деревянными лестницами снаружи, да и то по одной или по две… Вообще нельзя не сказать, что г. Морозову, считающему у себя на фабрике до 15000 рабочих, следовало бы серьезнее позаботиться о них. Не лишне было бы, например, посократить усилившиеся за последнее время штрафы, подумать о предупредительных мерах на случай пожара и распорядиться, чтобы по ночам в коридорах корпусов дежурили сторожа, а в «каморках» спали бы не по 15 и 17 человек, как это делается теперь, а поменьше, сообразно величине этих «каморок».

1882, 8 июня, № 155. Подписано: Свой человек

ТЕЛЕГРАММЫ. СТРАШНАЯ КАТАСТРОФА НА КУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Сильный дождь, продолжавшийся в Москве целый день во вторник, 29 июня, лил и в отдаленных от нее Тульской и Орловской губерниях и при этом сопровождался там страшной бурей. Поэтому в вечеру на многих местах полотно Московско-Курской дороги было размыто, и рельсы или разошлись, или совсем свалились. Оказалось это близ станций Сергиево и Скуратово, но в третьем месте, именно, не доезжая 1 1/2 версты до станции Чернь, ночью повреждения не заметили. Между тем это место, окруженное болотистой трясиной (285—86 верст от Москвы), одно из опаснейших на всей дороге. Ночью, в третьем часу, на этом месте встречаются почтовые поезда: идущий из Москвы, № 3, и из Курска, № 4. В эту ночь с 29 на 30 июня почтовый поезд, шедший из Курска, благополучно прошел над этой трясиной в 2 часа 32 минуты ночи; спустя лишь четверть часа подошел встречный ему почтовый поезд, шедший из Москвы. Машинист и поездная прислуга ни о какой опасности на предыдущей станции, Крестцах, предуведомлены не были, поэтому поезд шел очень быстрым ходом. Между тем за эту четверть часа насыпь от сырости опустилась, рельсы разошлись одна от другой, и вот здесь-то почтовый поезд потерпел страшное крушение. Десять вагонов с пассажирами разбились вдребезги, четыре вагона, в том числе и почтовый, оторвались и уцелели.

Страшное зрелище представляли эти обломки поезда и массы убитых и тяжело израненных! Поездная прислуга убита почти вся. По первому исчислению, более 50 пассажиров убиты и до 80 человек искалечены так ужасно, что многие едва ли останутся в живых. К утру приехали врачи из Черни и из Тулы, а в 3 1/2 часа дня с почтовым поездом отправлены врачи из Москвы. Это небывалое еще у нас в железнодорожной хронике несчастье случилось в 2 часа ночи, а депеша правлением дороги получена была только в 10 часов утра; ее задержала гроза. Поезда, шедшие к Москве, были задержаны.

1882, 1 июля, № 178. Без подписи

С МЕСТА КАТАСТРОФЫ НА КУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

(От нарочного корреспондента)

15 июля

К утру 14 июля раскопки в жерле могилы были кончены, трупы и части вагонов вынуты; докопались до самого грунта. Оставалось поднять три колена трубы, попавшие в глубокую, выбитую водой яму. Это стоило громадных усилий, так как каждое колено (звено) весит до 160 пудов. Наконец, с помощью нескольких сот рабочих, под песню традиционной «Дубинушки», колено это вытащили. Прокурор палаты С. С. Гончаров, лично осмотрев это место, отправился далее, вниз по дну оврага и по течению соседнего ручья, производить окончательный осмотр местности. При осмотре присутствовали: инспектор дороги г. Шуберский, тульский губернский инженер Иванов, инженер Б. Домбровский и Клемчицкий, товарищ прокурора Федотов-Чеховский, судебный следователь г. Висневский и местный исправник г. Козловский.

На расстоянии 120 сажень в сторону от места катастрофы была сплошь перекопана вся наносная земля, осмотрено каждое место, где можно предполагать присутствие трупов. К 10 часам утра все было кончено, и С. С. Гончаров, честно выполнивший свою задачу, отправился в Москву.

В тот же день, к вечеру, по распоряжению чернского исправника было произведено сожжение морга и всех удобосгораемых вещей, оставшихся после адской катастрофы; земля насквозь пропитана дезинфекционными средствами и

засыпана толстым слоем извести. Теперь уже все замолкло, никого нет на этой ужасной могиле… Нет ни инженеров, мечущихся по насыпи и орущих на рабочих, в грязных рубахах, с лопатами и тачками в руках, нет разнокалиберной публики, нет и помещиц — барынь и барышень, разодетых в богатые пестрые, не вяжущиеся с общей грустной картиной костюмы. Нет и родственников, горько плачущих по убитым… никого нет… Пусто и безлюдно на этом отныне увековеченном адском месте…

Дальше же внизу, справа и слева, продолжаются другие работы: постройка насыпи для обходного пути… Работа идет быстро. На дне проклятого оврага начинают уже класть трубы для новой насыпи — и притом кладут те самые трубы, которые уцелели после катастрофы…

Проходя по мостику, устроенному для перехода пассажиров, я увидел несколько железнодорожников из мелких служащих, ведших между собой следующий разговор:

— Да вот опять на работу сейчас, и отдохнуть не дадут, анафемы! — промолвил один из них…

— Куда это еще? — спросил другой, одетый в синюю блузу.

— Да гробы перетаскивать…

— Какие гробы? С ума сошел? Вчера последнее тело отправили…

— Да не тела, а гробы, тут вон дорогих свинцовых гробов по случаю накупили, тел-то мало оказалось, а гробы остались…

— Куда же их теперь, дяденька? На что покупали? — обратился молодой, почти мальчик, рабочий к старику, стоявшему рядом.

— Куда?! Ты думаешь, зря их покупали… Начальство-то, брат, знает, что делает, — вот трубы-то старые ставят, а гробы-то новые… Смекнул?!

Далее я не мог расслышать разговора, так как в это время мужики, накатывающие трубы под насыпью, затянули «Дубинушку»…

Ой, робя, ворочай туже,
Видны косточки наружи!..
Ой, дубинушка, ухнем…

1882, 17 июля, № 194. Подписано: В. Гиляровский

РЕПОРТАЖИ ИЗ «РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

МОСКОВСКИЕ ВЕСТИ

На днях на Хитровом рынке, в ночлежном доме инженер-капитана Ромейко, агентами сыскной полиции арестовано пятеро известных воров, много раз судившихся, сидевших в тюрьмах и бежавших с места ссылки. В числе их, между прочим, арестован один беглый из Сибири, сначала назвавшийся московским мещанином, но потом уличенный сыскной полицией. Все пятеро арестованных в момент ареста в ночлежной квартире были в одном нижнем белье, так что их, чтобы отправить в участок, пришлось ранее одеть в арестантские халаты. Между тем все пятеро в день ареста явились в ночлежный дом более или менее прилично одетыми, но все платье, а равно как и деньги, пропили и проиграли в карты съемщику квартиры. Не мешало бы за съемщиками квартир иметь более внимательное наблюдение. Съемщики эти, из которых редкие не привлекались к суду за укрывательство и покупку краденого, плату за ночлег в размере 5 копеек считают далеко не главным доходом, как это следовало быть. Гораздо более пользы получают они от торговли водкой распивочно, тайно от покупки за неимоверно дешевую цену заведомо краденого и приема в заклад вещей по 5 и 10 % за несколько дней.

В заклад принимаются даже паспорты ночлежников, и. этот вклад у съемщиков считается верным, так как заложивший паспорт обязательно должен его выкупить в случае поступления на место и т. п. Если же заложивший паспорт, как и бывали примеры, заявит об этом полиции и потребует через нее возвращения паспорта, то никогда ничего не получит, так как съемщик этот паспорт или продаст кому-нибудь из воров, или прямо уничтожит. Кроме того, многие съемщики держат у себя публичных женщин, которые заманивают посетителей в нарочно имеющиеся при ночлежной квартире отдельные ну мерки и заставляют покупать у съемщика водку и платить за нумер, если можно так назвать конуру без всякой мебели, устланную рогожами. Некоторые же из съемщиков непосредственно участвуют в кражах и дают средства и указания ворам на совершение краж, за что воры непременно приносят для продажи краденое съемщику.

1885, 9 апреля, № 99. Без подписи

МОСКОВСКИЕ ВЕСТИ

В ночь на вчерашнее число, 2 июля, из тюремного замка в городе Звенигород, Московской губ., бежали два арестанта, крестьяне Иван Цыганков и Василий Антипов, известный между московскими ворами под прозванием «Васька Смирный». Оба бежавшие — молодые люди, обитатели по зимам московского Хитрова рынка. Тот и другой не раз были арестованы за разные преступления московской полицией. Самым интересным фактом этого побега является то, что вместе с арестованными бежал и караульный ефрейтор, разводящий на часы часовых, Зуев. У Зуева хранились ключи от всех камер, и этими ключами он отпер камеры, где содержались оба арестанта, двери тюремного замка и, выпустив арестантов, бежал сам. Бежавшие арестанты, чтобы побег их не был известен в Москве и полиция не успела принять меры к их задержанию, оборвали проволоку телеграфного провода, соединяющего Звенигород с Москвою.

1885, 3 июля, № 180. Без подписи

КАТАСТРОФА НА ФАБРИКЕ ХЛУДОВА

Во всех слоях егорьевского общества только и разговору, что о катастрофе 9 января. Толпы горожан стремятся на фабрику, но туда не пускают, и редко кому удается прорваться сквозь цепь сторожей-церберов в эту окруженную стенами крепость, куда в обыкновенное время даже местная полиция неохотно допускается. Нам удалось осмотреть местность, разрушенное здание и последствия катастрофы и узнать все подробности ее на другой день частью от пострадавших лиц, частью от многочисленных очевидцев, которые говорили под свежим впечатлением виденного и испытанного, нисколько не стесняясь и не скрывая самых малейших обстоятельств.

В общем же рассказы всех были тождественны.

Из виденного и слышанного нами мы сообщаем следующее: на фабрике, между прочим, имеется высокий, старый четырехэтажный корпус, часть которого занята сортировочным отделением, где сортируется хлопок, лежавший во всех этажах в день катастрофы в количестве около 6 тыс. пудов. Масса хлопка в кипах от 15 до 20 пудов каждая хранилась на четвертом этаже. В семь часов утра, во время разборки хлопка и спуска его сверху по особым деревянным трубам, послышались крики «пожар», и густой едкий дым от горевшего хлопка наполнил весь корпус и повалил из окон. Упавший по трубе воспламенившийся хлопок

зажег на одной из женщин платье, опалил ее и еще двух ее товарок. У всех троих ожоги были настолько сильны, что их отправили в больницу при фабрике. Сила огня была вскоре прекращена прекрасной паровой фабричной пожарной трубой. Хотя, благодаря близости воды, в горящее здание было налито ее огромное количество, но тем не менее огонь все-таки временами прорывало и снова приходилось его гасить. Этим бы по-настоящему и кончилось все, но администрация фабрики распорядилась иначе. Дело в следующем: спустя часов пять после окончания пожара администрация фабрики командировала 50–60 человек рабочих под надзором почтенного человека, общего любимца всей фабрики, приказчика сортировочного отделение Михаила Титова, человека пожилого, прослужившего 33 года на этой фабрике, для скидывания с четвертого этажа вниз тяжелых кип с хлопком. Титов отправился в верхний этаж через чесальное от деление, и рабочие, долго боявшиеся вступить на качающийся пол четвертого этажа и побуждаемые администраторами с угрозой «отказать от места» и т. п., наконец решились, скинули шесть кип, стоявших наверху, вниз и сбросили на пол седьмую. В этот-то самый момент раздался страшный грохот от падающих масс, от которого, по словам очевидцев, «земля дрогнула», и все четыре потолка этажей с массой хлопка, намокшего во время тушения огня, и работавшими людьми рухнул вниз. Затем все на момент смолкло, и потом раздались стоны раненых и изувеченных людей. Окна нижнего этажа, заложенные кирпичами, начали разламывать, затем приставили лестницу ко второму этажу (лестниц железных у этого корпуса нет), и рабочие поместились на окнах. А внизу, под ними, откуда слышались стоны, среди массы обломков и груд хлопка, еще местами курившегося, торчали — там голова, там нога, там человек, засыпанный по пояс и взывающий о помощи. Некоторые были стиснуты обломками бревен и не могли пошевелиться.

Молодой парень из деревни Холмов, прядильщик Семен Петров, зацепившись фартуком за какой-то обломок у чугунной колонны, висел в ужасном положении между этажами на высоте нескольких сажен и молил о помощи. А помощь было подать опасно: потолок и висевшие груды обломков могли уничтожить, задавить своей массой смельчака. Тем не менее такие нашлись между рабочими: какой-то молодой парень привязал себя веревкой за пояс, перекрестился и спрыгнул вниз. За ним другой, третий… Принялись кое-как с неимоверными усилиями освобождать несчастных, из которых некоторые лишились чувств, некоторые невыносимо стонали. Освобожденных или клали в корзины и в них вытаскивали наружу, или прямо привязывали

подмышки веревками и вынимали. Долгое время старались рабочие вынимать несчастных и отправляли их в больницу при фабрике. Искали Титова, но ни между живыми, ни между ранеными его не оказалось. Нашли труп какого-то рабочего… Наконец из-под грязи и песку блеснуло что-то. Это оказался золотой перстень, надетый на руке, с которым Титов не расставался, и вскоре был вынут его труп, снаружи не изуродованный, но раздавленный между массами кип хлопка. Еще два трупа нашли в этот день, а на другой — еще два. Все шесть трупов положили в квартиру фельдшера на пол, в здании больницы, рядом с палатой больных. 11 числа, т. е. через два дня, мы видели эти трупы на том же месте, грязные, необмытые, изуродованные и уже издающие легкий трупный запах. Пять трупов лежали в этой комнате, а труп Титова — в другой. Странным кажется, по чьему «разумному» распоряжению трупы несколько дней лежат в больнице, рядом с палатами, переполненными больными и изувеченными, а не в часовне при больнице.

Всего в больнице находилось 11 января 19 человек, в том числе 3 пострадавших от пожара женщин и 16 раненых и изувеченных при катастрофе. Найденные более здоровыми не были положены в больницу. Так, например, на улицах города нам пришлось встретить хромавшего и согнутого от невыносимой боли спины и шеи Семена Петрова, того самого, который, как выше сказано, висел на колонне. На месте происшествия 11 января, утром, в присутствии местного исправника, начали растаскивать кипы хлопка и обломки внутри здания и разыскивать трупы, но к 12 часам дня эта работа была прекращена ввиду могущего случиться несчастья. Обрушившаяся внутренность здания представляет нечто ужасное, но вместе с тем эффектное: это громадные, высокие четыре стены, освещенные светом, падающим из закоптелых выбитых окон, усыпанных ледяными сосульками, горящими разными огнями при дневном свете. Наверху этого здания навис обитый изнутри листовым железом, каким-то чудом держащийся на чугунных колоннах потолок, ежеминутно грозящий рухнуть. Половина здания до самого верха загромождена стоящими, лежащими и висящими переломанными балками, деревянными решетками, кусками железа, сплошь, как толстым слоем чистого стекла, покрытыми блестящей ледяной корой, переходящей на краях каждого предмета в каемку из ледяных сосулек, между которыми сверкают обледенелые серебристые волокна белого хлопка…

А внизу, под этими ледяными сталактитами, образовавшимися от обильного поливания водой, груды хлопка,

грязи, песку, смешанного с водой, и, по общему мнению, есть еще трупы, так как некоторых из рабочих недосчитываются.

В больнице лежат трупы. Михаила Титова, 45 лет, оставившего после себя жену, мать и восемь человек детей. По словам знающих эту семью, «у них нет денег на фунт восковых свечей для панихиды». Затем трупы крестьян деревни Голубевой: Михаила Петрова, 20 лет, Егора Петрова, 20 лет, оставившего жену и двоих детей, Василия Алексеева, 23 лет, мещанина города Егорьевска Василия Яковлева, лет 35, и Василия Степанова из деревни Ширяевой, оставившего в крайней бедности троих детей. По случаю катастрофы в Егорьевск приехал из Зарайска товарищ прокурора и приезжал И января чиновник из Рязани от губернатора, но уехал в тот же день…

1886, 13 янв., № 12. Подписано: Вл. Г.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ АКТЕРЫ

(Заметка по поводу съезда актеров в Москву)

Уже не один десяток лет провинциальные актеры и антрепренеры со всей России и из Сибири съезжаются в Москву Великим постом. Первые для того, чтобы «кончить» на летний и зимний сезон или составить предприятие на артельных началах, а вторые для составления труппы. Впервые, много лет тому назад, актеры начали собираться в трактире Барсова, в д. Бронникова, на Большой Дмитровке, где существовала знаменитая колонная зала, известная под именем «Белой залы». Залу эту и теперь еще можно видеть в театре Лентовского, в фойе. Здесь-то и собирались былые знаменитости провинциальной сцены: Милославский, Никитин, Полтавцев, Рыбаков, Григоровский, Васильевы, Дюков, Смольков, Лаухин, Смирнов, Григорьев, Павлов, Медведев. Немногие из них остались в живых. В начале семидесятых годов сборищем актеров Великим постом сделался трактир Щербакова на Кузнецком мосту. Содержатель этого ресторана был общим любимцем актеров. Он многих из них в минуту карманной невзгоды, обязательно появляющейся у актера к концу Великого поста, снабжал на дорогу деньгами, и надо отдать честь старым актерам, никто из них не оставался в долгу: деньги воз вращались после первого же бенефиса или по получке жалованья. Ресторан славился, между прочим, расстегаями с мясом. Расстегай во всю тарелку: стоил 15 коп. К нему еще подавалась за ту же цену тарелка прекрасного бульона, и к концу

поста актеры, у которых средства оскудевали, питались только этими расстегаями. В 1881 г. «Щербаки» закрылись, и теперь актеры собираются в разных других ресторанчиках, конечно, доступных по ценам. Актрисам же собираться положительно негде. Благодетельным учреждением для провинциального актерствующего; мира был Артистический, блаженной памяти, кружок, где была настоящая биржа актеров. В прошлом-году г. Лентовский, сам бывший провинциальный актер и знающий нужды этого мира, предоставил в распоряжение актеров фойе своего театра, а иначе актрисам, не могущим появляться в ресторанах, трудно было отыскивать антрепренеров, и наоборот. В настоящем году собираются актеры в театре Сетова раз или два в неделю, во время музыкально-литературных вечеров. У актеров кроме приспособленных ресторанов есть излюбленные места остановки. Прежде были таковыми «Челыши», т. е. бывшая гостиница Челышева на Театральной площади, теперь «Метрополь». «Челыши» постом переполнялись актерами. В «Метрополе» теперь останавливаются разве антрепренеры да актеры и актрисы премьеры. Большинство же актеров постом наводняют меблированные комнаты по Газетному пер., Тверской, Б. Дмитровке. Еще местом сборищ и справок служат две театральные библиотеки г. Напойкина и г. Разсохина. Здесь оставляются адресы антрепренерами и актерами, а содержатели библиотек служат посредниками между теми и другими.

Но чаще всего актеры собираются в ресторане Ливорно в Газетном переулке. С 12 до 4 часов по полудни Ливорно представляет совершенно особый вид. Сквозь густые клубы табачного дыма слышится гомон невообразимый. Небольшая швейцарская увешана шубами, пальто, шапками и шляпами самых разнообразных форм и цветов. В самом ресторане за каждым столом, сплошь установленным графинами и бутылками, сидят тесные кружки бритых физиономий, обладатели которых в большинстве случаев пестро и оригинально одеты: какие-то пиджаки и брюки водевильных простаков, ужасные жабо, галстуки, жилеты, то белые, то пестрые, бархатные, то русские поддевки. На всех этих костюмах в первую половину поста блещут цепи и масса брелков. Перед многими на столах сверкают серебряные портсигары, многие неумело, будто в первый раз, стараются надеть на нос золотое пенсне… Часы поминутно вынимаются, и обладатели часов и портсигаров каждому новому лицу, в сотый раз, рассказывают о тех овациях, при которых поднесла им публика эти вещи…

Да и нельзя винить актеров за это хвастовство. Они должны показывать свое материальное благополучие, ибо жизнь актера не

обеспечена, и люди ненуждающиеся между актерами редки. Антрепренеры этим последним платят большее жалованье, а несчастных, нуждающихся актеров «покупают» на этом рынке невольников таланта и нужды за половинную цену. Трезвые, чистые с гардеробом, зачастую бесталанные актеры пользуются большим уважением у антрепренера. Между актрисами хороший гардероб имеет еще больше влияния на размер жалованья при найме. Здесь платье красит человека: товар продается лицом…

Первые две-три недели поста поблещут актеры подарками от публики, а там начинают «линять». Портсигары не выкладываются на стол, часы не вынимаются, а там и сюртуки плотно застегиваются, потому что и цепочка вслед за другими вещами уходит в ссудную кассу… А затем туда же, за бесценок, следует и гардероб, за который плачены большие деньги, собранные трудовыми грошами.

Добытые трудом деньги легко, безалаберно проживаются актерами в разных Ливорно. Кроме того, что много денег пропивается, вместе с актерами в рестораны являются разные темные личности, бессовестно обирающие разными способами этих вечно увлекающихся тружеников. Антрепренеры, уменьшающие до minimum'a заработок актера, пользуясь его безысходной нуждой, обкрадывают его оптом, а эти темные личности вместе с содержателями ссудных касс обкрадывают его на мелочи. Много шулеров является в это время. Они обирают актеров в кегли, на бильярде, в карты, в домино.

Настоящим постом только и слышно между актерами в Ливорно, что там не заплатили, здесь антрепренер сбежал, тут описали кассу за антрепренерские долги…

Все чаще и чаще приходится слышать эти грустные для актера слухи. Театральное дело в материальном отношении в провинции все падает, падает и падает.

Положение провинциального актера с точки зрения материального обеспечения — ужасно. Никто так безбожно не обирается, ни у кого нет таких побочных расходов, как у провинциального актера. Провинциальный актер никогда не знает наверное, получит ли он жалованье… Он еще платит более других государственный железнодорожный налог, так как в положении «перелетной птицы» ездит из края в край России. Один из актеров, семейный человек, за 1885 год высчитал, что им переплачено государственного железнодорожного сбора до 180 рублей с[еребром]. А эти деньги до этого налога остались бы у него в кармане, на год обеспечили бы квартиру семье…

Не обеспечен ни актер, ни его семья… Дети в редком случае получают воспитание мало-мальски приличное… Увечье актера,

болезнь, смерть (всегда почти в больнице), и семья его в полном смысле слова без куска хлеба… Дети, избалованные при жизни отца лакомым куском, без хлеба… И много случаев, когда актеры остаются без хлеба, проживают до нитки все имущество, должают и «по случаю» за бесценок скупаются на предстоящий сезон антрепренерами, ловящими такой случай…

Антрепренеры, ради наживы держащие театры, роняют театральное дело.

А таких антрепренеров много. Вообще, большинство антрепренеров — кулаки, выжимающие, так сказать, последние соки из актера, или люди, ничем не обеспеченные и ведущие дело на риск. Исключения редки, и они известны актерам.

Редкий антрепренер затратит теперь свои деньги на труппу. В большинстве случаев эти господа идут на верный выигрыш, загребая жар актерскими руками, всегда рискующими остаться без куска хлеба.

Самые контракты, выдаваемые антрепренерами актерам, почти никогда не обеспечивают положения нанимаемого. У каждого антрепренера имеется свой печатный контракт, наполненный условиями, соблюдающими только выгоды антрепренера, а актеру всякая вина виновата. «Если актер не понравится публике во время сезона» — антрепренер может его уволить. Если не явится на спектакль — штраф в размере месячного оклада. Если опоздал на репетицию — штраф. Если актер не послушается замечания режиссера — штраф. Если актер болен более трех дней — жалованье не считается. И антрепренер штрафует актера, берет с него что хочет в пользу своего кармана. Всё на стороне антрепренера. Если он не заплатит в срок жалованья — актер будет ждать сколько угодно, так как в разгар сезона ему некуда деваться, а о других неисполнениях контрактных условий и говорить нечего. Если актеру выговорены бенефисы, то антрепренером даются эти бенефисы в самый невыгодный день. Большинство антрепренеров счастливы были бы дать, если бы было возможно, бенефис в страстную субботу. Надо сказать при этом, что в бенефис не весь сбор поступает в пользу актера, а только половина сбора за вычетом вечерового расхода, иногда превышающего, по условиям антрепренера, 100 рублей. Если же сбор на предполагаемый бенефис вследствие каких-либо причин не достиг 100 рублей, то антрепренеру приплачивает недостающую до 100 рублей сумму актер из своих денег. У одного из антрепренеров, между прочим, есть такой пункт в контракте: «Актер выписывает на свой счет пьесу и ноты на свой бенефис, и после бенефиса как пьеса, так ноты и вся оркестровка поступают в мою пользу».

У этих антрепренеров актер получит хоть что-нибудь, зато наверно. Но большинство расплодившихся за последнее время антрепренеров набирают труппу, не рискуя своей копейкой и ставя на карту существование труппы. Обыкновенно такой антрепренер является в город, разными происками оставит за собой театр, сдаст за арендную плату вешалку и буфет, получит от арендаторов изрядный куш авансом и на эти деньги набирает труппу, давая гроши в задаток. Начинается сезон, дела идут в большинстве случаев плохо, так как подобные антрепренеры не в состоянии вести дело, и антрепренер, задолжав всюду в городе и забрав кассу театра, отложит себе на черный день денег и или сбежит, или нагло является перед труппой и, объясняя неимением сборов, отказывается быть антрепренером и предлагает актерам играть товариществом. Актеры, обобранные, обманутые, посердятся, но, видя свое безысходное положение, мирятся с обстоятельствами и впроголодь кончают сезон, иногда платя долги антрепренера, обобравшего сборы в лучшее время сезона. А последний вновь снимает где-нибудь театр и вновь к концу Великого поста, когда большинство актеров без мест, является в Москву и, помня пословицу «Было бы болото, а черти будут», формирует труппу. И голодные, зная прошлогоднюю проделку антрепренера, все-таки идут к нему, потому что им, прожившим постом последнее платье, нечем платить за номер, нечего есть, некуда и не на что ехать…

Какова нужда актеров, показывает следующий факт: один из актеров в прошлом году сам вздумал сделаться антрепренером, снял театр и, не имея денег, набирая труппу, сказал: «Денег у меня нет, предупреждаю. Вы, гг., сидите в Москве без дела, поедемте в город N. Денег вы получать не будете, а квартира, стол и водка будет».

И нужда заставила согласиться на эти условия… Бывают случаи, что и порядочный антрепренер, человек с деньгами, не раз расплачивавшийся с труппой, по примеру прошлых лет, рассчитывающий с известного города взять в сезон известную сумму, ошибается и разоряется, вследствие чисто частных причин. Неурожай, какая-нибудь ссора антрепренера с представителями местной аристократии, конкурирующий цирк, еврей-фокусник, разыгрывающий корову в лотерею и т. п., окончательно губят сезон, и антрепренер, стараясь не тратить своих денег, не платит актерам.

Ежегодно масса денег, заработанных актерами, ни за что ни про что получается антрепренерами.

Если бы актеры работали на артельных началах, то деньги, обогащающие антрепренеров, были бы в их кармане. Об этом уже

много говорилось, составлялись прекрасные проекты покойными гг. Л. Н. Самсоновым, Н. П. Киреевым и др. Но товарищества эти редко достигали своей цели, так как составлялись необдуманно, по пословице: «Кто палку взял, тот и капрал». Капралом обыкновенно являлся какой-нибудь «Кречинский» и работал для своего кармана и для интересных ему лиц, и товарищество не достигало желаемого результата. «Кречинский» обсчитывал, обкрадывал, своим любимцам давал лучшие роли и т. п., и товарищество делалось какой-то замаскированной антрепризой.

Пора, пора провинциальным актерам, этим труженикам искусства, «просвещающего умы и смягчающего сердца», сделаться самостоятельными и довести театр в провинции действительно до высоты народной школы, каким он должен быть, а не развращать полуграмотную публику, падкую на ужасные зрелища, произведениями авторов-аферистов, и достигнуть того, чтобы эта публика не нуждалась в рекламах и зазываниях, к которым приходится прибегать теперь. Так между прочим провинциальная публика особенно удачно ловится на большие афиши, с нарисованными на ней чертями, драконами и самыми страшными названиями актов и картин. У нас есть целая коллекция афиш из разных провинций, и вот некоторые образчики этих афиш:

«13 декабря 1881 года в коломенском театре в первый раз: „Еврей, или слава и позор“, новая (?) драма в 4 дейст. соч. В. Каратыгина.

Дейст. 1-е Королевская охота. 2-е Подкуп подлеца и проклятие отца. 3-е Брачный договор, веселый разговор и смертный приговор и 4-е Темница и эшафот, плаха».

Орел, «Сват Фаддеич, или разбойники на зимовке». Картины: 1-я «Свидание в кузнице», 2-я «Петербургский сыщик», 3-я «Архимандрит на спокое» (?) и 4-я «Ждали из запоморья, а пришел из задворья».

В Острогожске во время летнего сезона несколько лет назад на столбах и заборах появился какой-то разными яркими красками нарисованный круг, похожий на гаданье «Царя Соломона». Оказалось, что эта афиша на бенефис актера Д. Д. Рыбакова, вещающая, что 1 июля идет «Забубённая головушка» со следующими картинами: 1-я Бегство детей непокорных из земли халдейской в землю ханаанскую, 2-я «История подкидыша», 3-я «Адская интрига» и 4-я «Надорванная сила».

И Рыбаков, благодаря только афише, взял хороший сбор. А вот еще афиша, имеющая в длину 2 аршина и 5½ вершков:

«Орел. С дозволения начальства, 27 октября 1878 года, в бенефис Лаврова-Вишневского, под дирекцией А. Е. Воронова,

поставлено будет; „Казнь безбожному“, „Новая лирическая трагедня в 5 эпохах соч. г. Браве, с костюмами с 1-го по XIX век“. Пьеса эта выдержала 1000 представлений кряду на столичных театрах и в Париже». Далее на афише помещен громадный рисунок, изображающий какого-то барина в халате, читающего лекцию волкам, чертям, драконам, змеям и т. п., затем названия: эпоха 1-я проклятие. Картина 1-я «Вечный жид» и 2-я «Пожар Иерусалима». Действие в 33 году в Иерусалиме. Эпоха 2-я Гонение христиан. Картины: Клеврет кессаря и пещера христиан. Действие в 53 г. Эпоха 3-я «Моровая язва» и картины «Угнетение евреев и жизнь за жизнь». Действие в Страсбурге, в 1553 году. Эпоха 4-я «Воскресенье и смерть», картины: «Страдание еврея и убийство». Действие на развалинах кладбища язычников. Эпоха 5-я «Преддверие ада». Картины: «Искушение сатаны и славословие. Действие в 1836 году во время холеры». Затем: Страшный суд. Картина 1-я «Отпущение грехов» и картина 2-я «Воскресение мертвых. Действие по скончании века, в заключение чего всей труппой будет исполнена русская пляска».

И вот эти-то афиши, с подобными названиями картин, до сих пор привлекают публику и составляют одну надежду бенефициантов на полный сбор…

Еще два слова. Кроме того что провинциальные актеры, необеспеченные материально, положительно разоряются вследствие запрещения играть на русском языке драму и комедию Великим постом, т. е. в то время, когда актер проживет последний грош без работы, глядя на торжествующие труппы иностранцев, дающих часто сальные, развращающие нравственность представления, и на разные хоры цыган, дающих «концерты» с плясками, на иностранок в балетных костюмах, поющих шансонетки… А русский актер, толкователь Гоголя, Грибоедова, Островского, сидит голодный со своей семьей…

1886, 19 марта, № 76. Подписано: Ел. Гиляровский

ПОДЗЕМНЫЕ РАБОТЫ В МОСКВЕ

Как уже известно нашим читателям, в Москве производятся подземные работы по переустройству Неглинного канала. Сильные дожди, не раз затоплявшие водой мостовую Неглинного проезда от Трубной площади до Кузнецкого моста, в особенности страшные ливни в 1861, 1870 и 1883. годах, когда мостовая была заливаема до 2½ аршин, убедили в несостоятельности Неглинного канала как водоотвода, а также и в необходимости

или переустройстве этого канала, или изобретения каких-либо других средств против затопления мостовой Неглинного проезда и прилегающих к нему местностей.

С этой целью производились городом не раз нивелировки и обмеры бассейна, а также и исследования самого канала, и результат этих работ выяснил, что площадь всего бассейна Неглинного канала равняется в круглых цифрах 1324 десятинам, из которых 1125000 квадратных сажен, составляющих загородную часть бассейна и проезда по Камер-Коллежскому валу, совершенно не замощены и с малыми уклонами; 810000 квадрат, сажен, от проезда по Камер-Коллежскому валу до верхней самотецкой трубы, мало застроены, мало замощены и также с незначительными уклонами, и остальная часть бассейна, от верхней самотецкой трубы до Москвы-реки, в 1242 000 квадратных сажен сплошь замощена и застроена и имеет местами уклоны, доходящие до 0,03. Самый Неглинный канал получил свое название от речки Неглинной, русло которой и есть самый канал. Речка Неглинная начинается за Камер-Коллежским валом, невдалеке от Бутырской заставы, имеет на протяжении своего течения до Самотеки несколько прудов. Около трех верст она протекает в собственных берегах по огородам, затем около версты до Самотецкого пруда по замощенной местности, по деревянным лоткам и в каменных трубах, и здесь, в Екатерининском парке, в нее впадает ручей Напрудный, берущий свое начало за Марьиной рощей и также имеющий на протяжении своем несколько прудов. От Самотеки до Москвы-реки Неглинка уже течет по подземному каналу, начало постройки которого относится к концу прошлого столетия.

В 1878 году при очистке Неглинного канала ряд осмотров, произведенных особыми комиссиями, показал, что стены канала находятся большей частью в удовлетворительном виде, за исключением нескольких поперечных трещин. Свод трубы довольно хорошо сохранился, но в нем местами имеются продольные трещины, особенно большие под Театральным проездом и близ сандуновского фонтана, на протяжении 60 сажен. Местами же свод осел и сузил канал. Канал суживается также сетью газовых и водопроводных труб, пересекающих его. Канал имеет на своем протяжении извилины и крутые повороты, особенно частые на пути от Малого театра до театрального бассейна. Здесь канал проходит под зданием Малого театра и д. Челышева. Стены канала имеют толщину 4 кирпича, а свод — 2 кирпича. Пол состоит из двойного ряда досок, настланных вдоль канала. Стены канала лежат своим основанием на трех рядах свай, а пол укреплен на поперечных бревнах, врезанных концом в

эти сваи. Пол местами сгнил; доски его отрываются течением и загромождают канал. Высота канала до настоящего времени была не одинакова. Местами человек высокого роста мог идти свободно по дну канала, местами же, благодаря заносам, почти невозможно было проползти лежа. Из всех этих данных причины затоплений Трубной площади сводятся к следующему: 1) неправильность уклона дна канала с существованием даже обратных уклонов; 2) недостаточность поперечного сечения; 3) дощатый половой настил, способный делать запруды; 4) скорость гниения этого настила, зависящая от того, что местами, когда нет дождей, настил этот не покрывается водой; 5) невыгодная форма дна и поперечного сечения и отсутствие отстоечных колодцев.

Для устранения этих причин могло быть выбрано два средства: или устройство нового канала, или же приспособление существующего ко всему бассейну Неглинной. По составленным сметам устройство нового канала обошлось бы по 375 рублей за погонную сажень, а приспособление старого — по 138 рублей за сажень. Следовательно, разница в стоимости равна 237 рублей на сажень. Считая же на все протяжение 1524 сажени, общая экономия равняется 361000 рублей. Приспособление старого канала заключается в увеличении сечения канала, углубления его дна, с подводом стен снизу, выставке обратного свода на всем протяжении канала из тарусского камня и отштукатурки стен свода. Лучшим временем для этих работ можно считать зиму, когда воды в канале бывает очень мало даже в банные дни. Работы, начавшиеся осенью прошлого года, поручены инженеру Н. М. Левачеву. Все расстояние канала последний разделил на три участка, из которых на каждом для производства работ поставил своих помощников, инженеров. Первый участок, от Самотеки до Кузнецкого моста, поручен Ф. В. Данилову, второй — Н. Г. Шилову и третий — г. Сергалеву. Для удобства работ в каждом из трех участков сделано по 12 отдушин, для чего разобраны свод канала и мостовая на две сажени в длину. Для безопасности движения по улице экипажей и прохожих, а также для сохранения инструментов и защиты рабочих в непогоду над каждым разобранным местом свода устроены деревянные бараки. Всех их 36. Так как канал, особенно при начале осенних работ, переполнялся зловонной водой, поступающей в него из всех решеток по его протяжению и боковых труб, посредством, которых спускаются банная вода и нечистоты из многих домов, то вода была отведена и дно канала осушено. Для отвода воды устроены были на всем протяжении канала деревянные, обшитые железом, с непроницаемым дном, лотки. Лотки эти подвешены на проволоках аршина на 1½ выше дна канала, и посредством

насосов, поставленных в каждом из 36 бараков, со дна канала перекачивалась вода и текла по лоткам до самой Москвы-реки. Едва ли не самым трудным для рабочих было устройство лотков. В продолжение с лишком месяца им приходилось работать то по колено, а то и по пояс в зловонной воде, пока были устроены лотки. Каждая сажень лотка ставилась под наблюдением г. Левачева или его помощников, почти не выходивших в это время из канала.

Рабочих постоянно, считая в том числе земляников, плотников, каменщиков и возчиков, работает около 1000 человек в день. Впрочем, количество их меняется, смотря по степени надобности, равно как меняются и часы работы. Надо, впрочем, заметить, что большинство времени переустройства канала работы производились день и ночь и рабочие делились на две смены — денных и ночных. Во время очистки насосов в канале попадается масса битой посуды, перержавевшие ножи, перегнившие кости, обрывки платья, трупы собак. Встречались и более интересные находки: так, близ Цветного бульвара найдены были очень старинной работы граната и бомба, находились также старые монеты и кости, похожие на человеческие.

1887, 5 февраля, № 35. Подписано: Вл. Г-ровский

ЛОВЛЯ СОБАК В МОСКВЕ

По обязательным постановлениям городской думы, напечатанным в № 147 «Ведомостей московской городской полиции» за 1886 год, разрешается водить собак по улицам и другим местам, находящимся в общественном пользовании, при условии, чтобы собаки были в ошейниках и на привязи. Собаки же, появляющиеся на улицах, бульварах и других местах, находящихся в общественном пользовании, считаются бродячими и подлежат уничтожению по распоряжению полиции.

Городская дума на этот предмет отпустила московскому обер-полицмейстеру 1000 рублей, и последний предложил содержателю живодерни в деревне Котлах, за Даниловской слободой, Грибанову, принять на себя обязательство ловли и уничтожения бродячих собак, причем Грибанову были предписаны следующие условия: с 21 июля 1886 г. Грибанов будет производить ловлю бродячих собак по улицам, бульварам и в др. местах общественного пользования через нанятых им для этого людей и собственными его сетями и другими снарядами, не допуская никакой жестокости с собаками. Ловля будет производиться ежедневно от часа ночи до 6 утра, пойманные

собаки в сырейное заведение Грибанова в дер[евню] Котлы будут отправляться в клетках и содержаться на его счет трое суток, с тем, что если кто-либо из владельцев собак пожелает получить свою собаку, то должен за каждый день прокорма собаки уплатить по 25 к. с., по истечении же трех суток собаки возвращаемы не будут, а поступают в собственность Грибанова. Грибанов накануне дня ловли уведомляет запиской пристава 2-го уч[астка] Серпуховской части о той местности, где на другой день намеревается производить ловлю, и участковый пристав в свою очередь сообщает телеграммой приставу того участка, где будет производиться ловля. Делается это для того, чтобы «по получении означенных телеграмм вменять в обязанность полицейским чинам оказывать ловцам всякое содействие, ограждать от могущих возникать с чьей-либо стороны помех и столкновений; наблюдать, чтобы ловцы не обращались с собаками жестоко и чтобы отнюдь не касались собак, находящихся во дворах и вообще в местах, не подлежащих общественному пользованию».

Ловля, содержание и откуп собак производятся следующим образом: около 11 часов ночи из деревни Котлы в Москву выезжают две запряженные клячами грязнейшие фуры, с зловонными клетками в них, сопровождаемые оборванцами самого зловещего вида. Это — помощники Грибанова по ловле собак. Хотя по приказу г. московского обер-полицмейстера и полагается ловить собак, не употребляя жестокостей, в том только участке, о коем заявлено Грибановым накануне, но это не исполняется, и ловчие продолжают ловить собак на пути «ходом»: для этого они, заметив собак, расставляют, перегораживая улицу в двух местах, сети и гонят в них собак, стараясь, чтобы последние не ушли на какой-нибудь двор.

Когда собака попадет в сеть, они особого рода железным ухватом прижимают собаку самым безжалостным манером к земле и усаживают в клетку. При этом ловчие стараются поймать всегда хорошую, породистую собаку, а не действительно бродячую, которую они обязаны ловить и которую никто не выкупит. Чтобы уловить породистую собаку, ловчие не брезгуют никакими средствами; они выманивают собак со дворов различными способами, то прикармливая их, то прямо выгоняя, для чего ловчим приходится забегать во двор. При этом не обходится иногда и без неприятностей: если дворники заметят, то непрошеных гостей бьют, как это было, например, в прошлом году на Арбате, в доме Львовой, но ловчие «за тычком не гонятся». Ловчие измыслили еще более ловкий способ выманивая собак — «подлаиванием». С этой целью в деревне Котлах они

ежедневно практикуются в лаянии, и некоторые из них действительно лают не хуже звукоподражателя Егорова, лающего, как говорят, «лучше собак». Ловчие употребляют, впрочем, и более бесцеремонные способы для добывания ценных и породистых собак: таков был случай, как сообщалось уже газетами в прошлом году, на Никитском бульваре, где ловчие, увидав дорогого пойнтера, бежавшего за дамой, шедшей в мясную лавку к Арбатским воротам, несмотря на протесты дамы, насильно отняли у нее собаку и увезли в фуре, в Котлы, в свое заведение, удачно названное «собачьей морильней». Прославленные Котлы находятся за Даниловской слободой, верстах в двух от нее. Здесь, невдалеке от зловоннейших боен, стоит и живодерня Грибанова: обширный грязный двор, где под навесом на шестах просушиваются окровавленные, вонючие шкуры убитых на живодерне или павших животных. Тут же и квартира Грибанова, в которую приходится обращаться владельцу пропавшей собаки, совершившему десятиверстное путешествие, а то и далее, из Москвы в Котлы.

Но здесь собаки нет, и ищущего ведут на гору, к развалине какого-то завода, где на широком, поросшем бурьяном дворе есть длинный узкий дощатый сарай, при одном приближении к которому со свежим человеком может сделаться дурно от зловония. Около двери сарая трава и стена покрыты бурыми, жирными пятнами крови, и тут же стоит толстая окровавленная дубина: это место, где бьют собак, и орудие, чем их бьют. Непородистых, никому не нужных собак выводят из фур, надевают им петлю на шею и душат, а если собака очень сильна и живуча, то бьют ее палкой по переносью и с полуживой еще тут же сдирают шкуру, которую сушат и продают от 6 до 12 коп. за штуку. Как видно, доход от бродячих собак невелик, а хлопот с ними много: поймать, убить, шкуру содрать и продать. Зато породистые собаки выручают. Они содержатся в этом зловонном сарае, в вонючих, грязных, с постоянно мокрым полом клетках. В сарае только два выхода, узенькие двери и ни одного окна. Тут же, на голой земле, валяются рогожи и полушубок — это постель, одеяло и подушка неотлучно находящегося при собаках сторожа, молодого парня, занимающегося кормлением, убиением и продажей собак и спокойно живущего в зловоннейшем сарае. Впрочем, здесь не всегда содержатся хорошие, породистые собаки. Прежде, при начале деятельности Грибанова, сарайчик этот был переполнен догами, пойнтерами, сеттерами и т. п., а теперь большинство собак, содержащихся в сарайчике, принадлежат к неаристократической породе «дворняг».

При моем посещении заведения Грибанова я заявил, что у

меня пропала собака, и меня привели в этот сарай, где я мог выбрать любую из собак, даже чужую, и, заплатив за нее, сколько потребует доверенный Грибанова, получить ее. При подобном способе получения действительные владельцы собак ничем не гарантированы. Книги о том, где и когда и какая именно собака поймана, не ведется. В три дня — срок выкупа собаки, назначенный полицией, — владелец пропавшей собаки едва ли, если он человек занятой, успеет совершить путешествие в «Котлы»; а между тем по прошествии трех дней, согласно условию с полицией, собака делается собственностью Грибанова. Кроме того, в соседнем «с морильней» трактире всякий, отыскивающий собаку, может, если тихо поведет разговор, узнать, что хорошие собаки, которых невыгодно отдать за 75 коп. владельцу, т. е. за содержание трех дней по 25 коп. в день, и не попадают вовсе в «морильню», а каким-то манером попадают к собачьим барышникам, занимающимся покупкой «случайных» собак. Тут же в трактире можно узнать, что хорошую собаку у Грибанова, пожалуй, не всегда достанешь и надо идти к барышнику, и при этом указывают на стоящую под горой отдельную хижину, невдалеке от трактира. Хижинка эта окружена забором, за которым на привязи и так ходит с лаем и визгом масса дорогих, породистых собак всех возможных пород, от болонки до громадного дога включительно. Барышник предлагает купить собаку и продает их разно: и дешево, и дорого, кто как сумеет купить. Откуда эта масса собак у грибановского соседа — с достоверностью неизвестно, хотя есть слухи, что ловчие лучших собак продают подобным барышникам за бесценок и что последние, не решаясь выводить их на рынок, держат и глухих местах, вроде Котлов, и особенно охотно сбывают приезжим из других городов покупателям.

1887, 23 июня, № 200.

Подписано: Вл. Г.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ ПОД МОСКВОЙ

(От наших корреспондентов)

Клин. 7 августа

К вечеру 6 августа сотни- москвичей наполнили Николаевский вокзал. Обыкновенно пустующий в это время года-

дорогой курьерский поезд наполнился пассажирами, взявшими билеты до Клина, одного из лучших пунктов для наблюдения солнечного затмения. Но далеко не все поместились в вагоны. И после отхода поезда все столы громадной буфетной залы были заняты, негде было найти места сесть. Следующий, пассажирский, поезд также битком был набит пассажирами: даже дамы стояли на платформах, к крайнему удивлению поездной прислуги. Пришлось собрать еще экстренный поезд до Завидова, и в этом только нашлись места для всех желающих наблюдать затмение. Поезд отошел около половины двенадцатого и часа через три был в Клину. Я с трудом нашел место в одном из вагонов, битком набитых публикой. Уснуть, даже прилечь, места не было, и пришлось целую ночь не спать. Наконец, поезд остановился в Клину. Большинство пассажиров вышли, остальные уехали на следующую станцию, Завидово.

Я вошел в вокзал. Кругом стоял гомон невообразимый: стук шагов, двигание мебели, бряцание посуды, разговоры — все это слилось в один общий гул. Около столов места брались с бою: если кто-нибудь вставал с места и отходил, оставляя на стуле свою вещь, — вещь эта сбрасывалась, и место бесцеремонно занималось. Измученные, сбитые с ног лакеи не успевали исполнять требований и половины пассажиров. Последние сами с тарелками в руках шли на кухню, заказывали себе кушанье и собственноручно приносили его в зал.

В самый разгар этого ужина-завтрака кто-то громко крикнул, что «шар готов», и толпа начала понемногу сбывать. Вслед за другими я отправился к шару. Было около трех с половиной часов, еще довольно темно. Впрочем, на востоке небо было чисто и виднелись розовые золотистые отблески зари на узких грядах легких облаков. Перейдя полотно железной дороги, вправо от линии есть пустырь, между линией дороги, станцией и Ямской слободой гор. Клина. Этот пустырь, посредине которого имеется прудик, называется Ямским полем. Подле прудика в виде огромной круглой массы, слегка движущейся, покачивался чуть заметно во тьме воздушный шар, напоминавший собой издали голову в «Руслане и Людмиле». Чем ближе мы подходили к шару, тем выше и выше он вырастал перед нами.

Вокруг него стояла загородка, а с правой стороны, с юга, его защищал от ветра занавес из брезентов. На противоположной стороне стояли аппараты для приготовления водорода для наполнения шара. Это целая баррикада. На платформе из старых шпал установлено три чана для смеси серной кислоты с водой. На чанах помещается холодильник для охлаждения газа и рядом с ним два химических сушителя, наполненные хлористым кали.

Внизу платформы расположено 5 медных генераторов, наполненных железными стружками. От них прокопана канава, по которой стекает в яму железный купорос. На платформе стоят человек десять солдат в прожженных кислотой рубахах и мундирах. Солдаты работают частью около котлов, частью накачивают насосом воду из пруда. Газ, идущий из генераторов в холодильники, поступает потом в сушитель, а оттуда уже по резиновому шлангу, совершенно сухой и холодный, поступает в шар. Шар привезен сюда со станции еще накануне, рано утром, и с 11 часов утра 6 августа наполняется газом под руководством механика т. Гарута при помощи нескольких солдат гальванической учебной роты. Весь день вчера и начало ночи на сегодня шар наполняется неудачно. Мешал ветер, ударявший шар о землю и выбивавший из него газ, и мелкий дождь, намачивавший материю. Лишь с 12 часов ночи шар начал наполняться как следует и, когда я пришел, был уже почти полон. Только нижняя часть его лежала на земле, раздуваемая ветром, и держалась на веревках от сетки, прикрепленных к мешкам с балластом. Становилось светлее, и шар ясно был виден. Он напоминал собой по цвету и форме огромный, желтый бычачий пузырь, оплетенный веревочной сетью. Низ все еще не наполнился газом. С одной стороны шара крупными буквами написано «Русский», с другой мелко: Paris Lachambre. Как мы уже сообщали, шар сделан из бумажной материи, пропитан не льняным маслом, как это делалось прежде, а гуттаперчевым лаком. Он имеет 640 кубических метров емкости и может поднять, считая собственный вес, балласт и сидящих, до 50 пудов, если сух и хорошо наполнен. Около шара стояла плетенная из камыша корзина для воздухоплавателей, с обручем сверху, к которому, прикрепляются веревки сети. На корзине прикреплен железный якорь — «пятилапая кошка», сделанная по системе г. Кованько. Собравшаяся публика с любопытством толпилась около шара. Часов с четырех публика все продолжала прибывать с вокзала из города и соседних слобод и деревень. Ямское поле, всегда пустынное, обратилось в какой-то табор. Вокруг шара — густое кольцо народа, далее, группами, зрители расположились по пригоркам и на поляне, разместясь на скамьях и стульях, которые то и дело возами подвозили из города и слобод. Владельцы скамей умело воспользовались моментом и уступали скамьи на время затмения по рублю и более за штуку. Еще далее, кольцом же, кругом публики стояло множество экипажей, на которых сидели разряженные дамы и кавалеры. Это — подгородные помещики и купцы. Около них стояло три-четыре столика с самоварами, с молоком и водами. На возвышениях со

всех сторон шара фотографы расставили камеры, стояли телескоп и подзорные трубы, обращенные к востоку. Приехали 6 членов московского Общества велосипедистов-любителей, сделав накануне все расстояние между Москвой и Клином, 84 версты, на велосипедах.

Публика была, видимо, не весела, молчалива. Кое-где слышались отрывочные слова. Особенно удрученное состояние духа замечалось между крестьянами и клинскими мещанами. Как говорили, многие из них накануне исповедались в грехах, надели чистое белье и приготовились к смерти, ожидая светопреставления или землетрясения. Все молчало. Оживлял сцену лишь бегавший с прибаутками торговец трубками для наблюдения затмения, появляющийся всюду и кричавший: «Покупайте, господа, торопитесь, затмение будет через минуту!» Его появление вызывало улыбку, и он торговал прекрасно. Да еще солдаты местной команды развеселили, или скорее удивили на момент публику: во время тишины, в исходе пятого часа, вдруг послышалась солдатская песня. Это шла местная команда к отхватывала лихую песню…

Наконец половина шестого. Солнце давно уже взошло, но его все не видно за туманом, который все становится гуще и гуще. Подул с востока ветерок, туман слегка начал исчезать, показались яснее избы Ямской слободы, и публика как будто повеселела. Но признаков солнца не было… Стали даже сомневаться, полетят ли Менделеев и Кованько в шаре.

Чувствуя, что погода не прояснится, надежды всех обратились на шар.

Наконец явился г. Кованько. Это молодой, высокого роста красивый поручик, в форме лейб-гвардии саперного батальона. Он подошел к шару и приказал крепить корзину. Было 6 часов утра.

— Сдавай! — раздалась звучная команда, и человек десять солдат взялись за балластные мешки, державшие шар на земле.

— Шаг вперед!

Солдаты сделали шаг вперед, шар качнулся в воздухе и рванулся кверху.

— Два шага вперед! — и еще выше рванулся шар. Балласт и солдаты уже очутились под шаром, поднявшимся сажени на две. Еще десять солдат ухватились за боковые веревки наружной сети, за «оттяжки». Начали прикреплять корзину. В нее положили инструменты: барограф, два барометра, бинокли, спектроскоп, электрический фонарь, сигнальную трубу и другие вещи, необходимые для наблюдений. На шаре предполагалось зарисовать корону Солнца, наблюсти движения тени и произвести

спектральный анализ.

К 6 часам 20 минутам шар совершенно готов хотя видно, что он намок, тяжел, несмотря на двойное количество (1200 куб. метров) против требуемого потраченного газа.

Становится темнее. Пошел мелкий, чуть заметный дождь; начался ветер, красиво покачивавший шар.

Ждали профессора Менделеева. В 6 часов 25 минут раздались аплодисменты, и из толпы к шару вышел высокого роста, немного сутулый, с лежащими по плечам волосами, с проседью и длинной бородой человек, с симпатичным, располагающим лицом. Это и был профессор. Он одет в широкополой шляпе, длинном, подпоясанном драповом коричневом пальто, в охотничьих сапогах. Он поздоровался с Кованько и Гарутом и начал готовить инструменты.

— Депеша получена? — спросил он одного из присутствовавших, члена технического Общества.

— Да, сегодня ночью; вот она. — И спрашиваемый прочел следующую депешу из главной Петербургской физической обсерватории: «На прояснение надежда слаба. В Псковской губернии стационарный минимум. Ветер ожидается южный. Средневский».

Шар так и рвался под ветром. Гг. Менделеев и Кованько сели в корзинку, попробовали, — шар не поднимается, он слишком намок.

Тогда профессор Менделеев предложил подняться один, видя, что двоих шар не поднимет. Публика была поражена предложением почтенного профессора, отваживающегося совершить свое первое воздушное плавание без управителя шаром.

Г. Кованько был принужден согласиться на предложение профессора, вышел из корзины и передал г. Менделееву тоненькую бечевочку от клапана шара.

Последний раза три попробовал бечевку, выслушал объяснение Кованько, как управлять шаром, и начал прощаться. Первым подошел к нему профессор Краевич. Они поцеловались. Затем подошли дети профессора. Потом стали подходить знакомые, все жали руки. Профессор улыбался и был, по-видимому, спокоен. Он попросил перечесть опять телеграмму и крикнул: «Дайте мне нож!» Ему Кованько подал складной ножик.

— До свиданья, друзья! — попрощался профессор, громко скомандовал «прочь», и шар, отпущенный солдатами, плавно поднялся вверх и полетел на север, при громком «ура» и аплодисментах присутствующих.

В это время стало более и более темнеть. Шар поднимался

серой массой, как в густом тумане.

Видно было затем, как воздухоплаватель начал высыпать быстро один за другим мешки балласта, и шар, освобожденный от груза, ринулся вверх и исчез в темноте, в тени затмения. Это было в 7 часов 46 минут.

Не более минуты шар был виден; полное затмение наступило вдруг.

И неожиданный полет г. Менделеева одного, без управителя шаром, и трогательная сцена прощания с ним, и исчезновение шара в темноте, и мрак, моментально охвативший землю, удручающе подействовали на всех.

Как-то жутко стало.

С несколькими дамами сделалось дурно. Толпа крестьян, за минуту перед тем мне в лицо говоривших с усмешкой, что «уж господа больно хитры, раньше знают про затмение, и что никакого затмения не будет», ринулась почему-то бежать от места, где был шар, к деревне.

Смолкло все. Лошади стояли смирно и продолжали по-прежнему жевать траву. На собак тоже мрак не произвел никакого действия. Они были спокойны.

Я оглянулся по направлению станции. Там горели огни платформы и паровозов ярко, как в темную ночь. Потом огни начали краснеть, исчезать, забелелся дневной свет, и также быстро день сменил ночь, как ночь сменила день.

Все молчали. Прошло не менее 10 минут, как начали расходиться. День продолжался серый, туманный.

1887, 8 августа, № 216.

Подписано: Вл. Гиляровский

МОСКОВСКИЕ ВЕСТИ

Вчера, 12 августа, сгорела вальцовая мельница, принадлежащая г. Эрлангеру и К°. Это громадное каменное здание, имеющее 9 этажей, из которых два помещались под самой крышей, находится на Сокольничьем поле, близ товарной станции Московско-Рязанской ж. д. Текущим летом в здании производился большой ремонт, продолжавшийся около трех месяцев, и только на днях начались работы. Пожар произошел в начале 1-го часа по полуночи. Путевые сторожа Московско-Рязанской ж. д. увидали густой дым, выходящий из двух крайних окон 7-го этажа здания. Об этом тотчас же дали знать ночному сторожу при мельнице, и последний заявил в контору, откуда по

телефону сообщили о пожаре в Сокольническую и Лефортовскую части. Железнодорожные сторожа и собравшийся народ, видя начало пожара, начали бросать камнями в окна мельницы, чтобы дать знать работавшим там людям об опасности. Маневр этот удался, и рабочие, кроме одного, бывшего в седьмом этаже, успели спастись по наружным и внутренним лестницам, так как каждый этаж имеет пять выходов. Не удалось спастись, как после оказалось, только одному рабочему 7-го этажа, где начался пожар.

В каждом этаже на ночном дежурстве находилось по одному рабочему, и одного из 7-го этажа не нашлось до сих пор. Рабочий этот, крестьянин Волоколамского у[езда] Петр Студентов, 20 лет, как полагают, сгорел. Когда остальные рабочие спасались, дым из окна 7-го этажа пошел тише, а потом вдруг стал много гуще прежнего, показался огонь, а вместе с тем лопнули стекла в окнах 6-го этажа, и пожар начал спускаться ниже и расходиться по сторонам. Тут приехала пожарная команда Сокольнической части и вслед за ней другие. Брандмейстер Сокольнической части попробовал подняться до 4-го этажа, но там уже горело, и пришлось отступить и отказаться от тушения огня внутри мельницы, где, при страшной тяге воздуха вверх, деревянная внутренность здания горела, как в исполинской печи. Пробовали было пожарные, поднявшись снаружи по железной лестнице и став на площадку у дверей, тушить огонь, но пламя вырвалось, едва отворили дверь, с такой силой, что одного пожарного сбросило было вниз, и они принуждены были спуститься.

Тогда пожарные принялись отстаивать лабазы и сараи мельницы, что им и удалось. А громадное здание было уступлено огню, против которого бороться было невозможно, и пылало страшно: поминутно вырывался из окон и с чердака громадный столб пламени, а над ним выше облаков поднимался столб багрово-красного дыма с миллионами блестевших, как бриллианты, головней и кусков раскаленного листового железа крыши.

Самая крыша, раскаленная, цвета расплавленного золота, эффектно переливалась огненными волнами и наконец рухнула вниз. Столб пламени поднялся еще выше, и огненный дождь головней и железа рассыпался по окрестности. Листы железа крыши отлетали сажен на 30 от пожара, а уголья покрыли громадное пространство около пожарища. Так линия Московско-Рязанской ж. д., обыкновенно желтая от песку, вчера казалась черной полосой от нападавших головней и углей. Вблизи пожарища невозможно было стоять; находящийся саженях в 50 дом Бородулина начинал загораться, в нем полопались стекла, и

пожарные, чтоб отстоять, принуждены были снять крышу; рельсы дороги накалились, ряд телеграфных проволок, идущих вдоль линии дороги, имели вид огненных нитей.

Через несколько времени после падения крыши громадный правый фронтон здания закачался, накренился и всем треугольником рухнул вниз, на двор и на часть деревянного сарая. Сила падения была так велика, что половину сарая разбило в щепы. Толстые балки перерезало пополам, как пилой. Двоих пожарных сильно поранило камнями при падении. Счастье еще, что фронтон рухнул не в то время, когда на месте, где он рухнул, находились рабочие, перетаскивающие пожарную трубу; было бы много убитых.

Затем рухнул такой же фронтон и с другой стороны здания и тоже поранил одного пожарного. Здание продолжало пылать все сильнее и сильнее, внутри его рушились одни за другими этажи с машинами и жерновами, вызывая каждый раз массу искр и головней, поднимавшихся к небу и сыпавшихся на окрестность. То и дело в массе публики, толпившейся в соседних переулках и на площадях, слышались крики боли от ожогов и крик испуга от загоревшегося от огненного дождя платья.

Только к 5 часам утра огонь начал ослабевать, а к 10 часам в обгоревшем остове огромного здания сквозь отверстия окон можно было видеть груды камней и металла, будто слившихся между собой, раскаленных до бела… Толпы любопытных ходили вокруг пожарища. Кое-где пожарные заливали внутренности сгоревшего здания, и каждая струя воды, попадавшая на раскаленные остатки машин и камни, поднималась белым облаком кверху. А работать пожарным было очень опасно. Верх стены переднего фасада от верха до 4-го этажа треснул в нескольких местах, выдвинулся вперед и грозил падением.

Сгоревший корпус мельницы с товаром и машинами застрахован в Московском страховом обществе в 240 тыс. руб., а остальные уцелевшие здания с товаром там же в 300 000 руб. Убыток громадный.

Причина пожара неизвестна. Единственный человек, могший дать какие-либо сведения о причине и первом моменте пожара, Петр Студентов, как сказано выше, не найден до сих пор. Думают, что пожар произошел от лампы (мельница освещалась астралином), но наверное никто ничего не знает.

1887, 13 августа, № 221. Без подписи

КАТАСТРОФА НА ХОДЫНСКОМ ПОЛЕ

Причину катастрофы выяснит следствие, которое уже начато и ведется. Пока же я ограничусь описанием всего виденного мной и теми достоверными сведениями, которые мне удалось получить от очевидцев. Начинаю с описания местности, где произошла катастрофа. Неудачное расположение буфетов для раздачи кружек и угощений, безусловно, увеличило количество жертв. Они построены так: шагах в ста от шоссе, по направлению к Ваганьковскому кладбищу, тянется их цепь, по временам разрываясь более или менее длительными интервалами. Десятки буфетов соединены одной крышей, имея между собой полтораршинный суживающийся в середине проход, так как предполагалось пропускать народ на гулянье со стороны Москвы именно через эти проходы, вручив каждому из гуляющих узелок с угощением. Параллельно буфетам, со стороны Москвы, т. е. откуда ожидался народ, тянется сначала от шоссе глубокая, с обрывистыми краями и аршинным валом, канава, переходящая против первых буфетов в широкий, сажен до 30, ров — бывший карьер, где брали песок и глину. Ров, глубиной местами около двух сажен, имеет крутые, обрывистые берега и изрыт массой иногда очень глубоких ям. Он тянется на протяжении более полуверсты, как раз вдоль буфетов, и перед буфетами имеет во все свое протяжение площадку, шириной от 20 до 30 шагов. На ней-то и предполагалось, по-видимому, установить народ для вручения ему узелков и для пропуска вовнутрь поля. Однако вышло не так: народу набралась масса, и тысячная доля его не поместилась на площадке. Раздачу предполагали производить с 10 часов утра 18 мая, а народ начал собираться еще накануне, 17-го, чуть не с полудня, ночью же потянул отовсюду, из Москвы, с фабрик и из деревень, положительно запруживая улицы, прилегающие к заставам Тверской, Пресненской и Бутырской. К полуночи громадная площадь, во многих местах изрытая ямами, начиная от буфетов, на всем их протяжении, до здания водокачки и уцелевшего выставочного павильона, представляла из себя не то бивуак, не то ярмарку. На более гладких местах, подальше от гулянья, стояли телеги приехавших из деревень и телеги торговцев с закусками и квасом. Кое-где были разложены костры. С рассветом бивуак начал оживать, двигаться. Народные толпы все прибывали массами. Все старались занять места поближе к буфетам. Немногие успели занять узкую гладкую полосу около самих буфетных палаток, а остальные переполнили громадный 30-саженный ров, представлявшийся живым, колыхавшимся морем, а также ближайший к Москве берег рва и высокий вал. К трем часам все стояли на занятых ими местах, все более и более стесняемые наплывавшими народными массами. К пяти часам

сборище народа достигло крайней степени, — полагаю, что не менее нескольких сотен тысяч людей. Масса сковалась. Нельзя было пошевелить рукой, нельзя было двинуться. Прижатые во рве к обоим высоким берегам не имели возможности пошевелиться. Ров был набит битком, и головы народа, слившиеся в сплошную массу, не представляли ровной поверхности, а углублялись и возвышались, сообразно дну рва, усеянного ямами. Давка была страшная. Со многими делалось дурно, некоторые теряли сознание, не имея возможности выбраться или даже упасть: лишенные чувств, с закрытыми глазами, сжатые, как в тисках, они колыхались вместе с массой. Так продолжалось около часа. Слышались крики о помощи, стоны сдавленных. Детей — подростков толпа кое-как высаживала кверху и по головам позволяла им ползти в ту или другую сторону, и некоторым удалось выбраться на простор, хотя не всегда невредимо. Двоих таких подростков караульные солдаты пронесли в большой № 1-й театр, где находился г. Форкатти[35] и доктора Анриков и Рамм.

Так, в 12 часов ночи принесли в бесчувственном состоянии девушку лет 16, а около трех часов доставили мальчика, который, благодаря попечению докторов, только к полудню второго дня пришел в себя и рассказал, что его сдавили в толпе и потом выбросили наружу. Далее он не помнил ничего. Редким удавалось вырваться из толпы на поле. После пяти часов уже очень многие в толпе лишились чувств, сдавленные со всех сторон. А над миллионной толпой начал подниматься пар, похожий на болотный туман. Это шло испарение от этой массы, и скоро белой дымкой окутало толпу, особенно внизу во рву, настолько сильно, что сверху, с вала, местами была видна только эта дымка, скрывающая людей. Около 6 часов в толпе чаще и чаще стали раздаваться стоны и крики о спасении. Наконец, около нескольких средних палаток стало заметно волнение. Это толпа требовала у заведовавших буфетами артельщиков выдачи угощений. В двух-трех средних балаганах артельщики действительно стали раздавать узлы, между тем как в остальных раздача не производилась. У первых палаток крикнули «раздают», и огромная толпа хлынула влево, к тем буфетам, где раздавали. Страшные, душу раздирающие стоны и вопли огласили воздух… Напершая сзади толпа обрушила тысячи людей в ров, стоявшие в ямах были затоптаны… Несколько десятков казаков и часовые, охранявшие буфеты, были смяты и оттиснуты в поле, а пробравшиеся ранее в поле с противоположной стороны лезли за узлами, не пропуская входивших снаружи, и напиравшая толпа прижимала людей к буфетам и давила. Это продолжалось не более десяти мучительнейших минут… Стоны были слышны и

возбуждали ужас даже на скаковом кругу, где в это время происходили еще работы.

Толпа быстро отхлынула назад, а с шести часов большинство уже шло к домам, и от Ходынского поля, запруживая улицы Москвы, целый день двигался народ. На самом гулянье не осталось и одной пятой доли того, что было утром. Многие, впрочем, возвращались, чтобы разыскать погибших родных. Явились власти. Груды тел начали разбирать, отделяя мертвых от живых. Более 500 раненых отвезли в больницы и приемные покои; трупы были вынуты из ям и разложены кругом палаток на громадном пространстве. Изуродованные, посиневшие, в платье разорванном и промокшем насквозь, они были ужасны. Стоны и причитания родственников, разыскавших своих, не поддавались описанию… По русскому обычаю народ бросал на грудь умерших деньги на погребение… А тем временем все подъезжали военные и пожарные фуры и отвозили десятками трупы в город. Приемные покои и больницы переполнились ранеными. Часовни при полицейских домах и больницах и сараи — трупами. Весь день шла уборка. Между прочим, 28 тел нашли в колодезе, который оказался во рву, против средних буфетов. Колодец этот глубокий, сделанный опрокинутой воронкой, обложенный внутри деревом, был закрыт досками, которые не выдержали напора толпы. В числе попавших в колодец один спасен был живым. Кроме этого, трупы находили и на поле, довольно далеко от места катастрофы. Это раненые, успевшие сгоряча уйти, падали и умирали. Всю ночь на воскресенье возили тела отовсюду на Ваганьковское кладбище. Более тысячи лежало там, на лугу, в шестом разряде кладбища. Я был там около 6 часов утра. Навстречу, по шоссе, везли белые гробы с покойниками. Это тела, отпущенные родственникам для погребения. На самом кладбище масса народа.

1896, 20 мая, № 137.

Подписано: Вл. Гиляровский

РЕПОРТАЖИ И ФЕЛЬЕТОНЫ ИЗ «РУССКОГО СЛОВА»

ПОРА БЫ…

И возит извозчик седока, и оба ругают московские переулки.

Седок проезжий, и извозчик, старик, тоже недавно в Москве.

— Да тебе сказано в Кривой переулок!

— Да они все тут кривые! — оправдывается извозчик…

И действительно, сколько кривых переулков в Москве!

Кривые переулки есть в частях: серпуховской, городской и хамовнической. Потом следуют Кривые с прибавлением: Криво-Ярославский, Кривоколенный, Криво-Никольский, Криво-Арбатский, Криво-Введенский, Криво-Рыбников!

Пересматривая указатель Москвы, я поражаюсь!..

Вот Астра-Дамский переулок! Вот Арнаутовский!

Какой грамотей придумал такие названия!

Вот семь Банных переулков, и все в разных частях города.

Поди ищи!

Живу, мол, в Москве, в Банном переулке в своем доме!

Кажется, адрес точный: московский домовладелец — найти не трудно.

А Банных переулков семь! Безымянных — девятнадцать! Благовещенских — 4, Болвановских — три.

Только три.

Мало по нашим грехам! Ей-богу, мало! И Брехов переулок только один. Бутырских, Вознесенских, Дербеневских, Золоторожских и Монетчиковых — по пяти. А вот Грязных — два. Врут, больше! Все грязные и кривые! Денежных — 2, Дурных — не хочется верить — тоже 2. Дровяных — 3. Задних — 2. Полевых, Грузинских, Ивановских, Краснопрудных, Красносельских — по 6. Лесных и Огородных — по 7. Кузнечных и Спасских — 8. Ильинских и Космодемианских — по 9. Знаменских — 12. Покровских — 10. И Никольских — 13. Далее, Коровьих — 4, Кладбищенских — 5. А сколько тупиков? Что может быть глупее тупика?

Идешь, видишь улица, идешь дальше и, в конце концов, упираешься в забор!

И это не старая Москва, нет! Масса переулков создалась за последние два десятка лет, а названия одно глупее другого.

И в общем выходит такая путаница, что разобраться нельзя.

Это повторение одних и тех же названий путает и почту, и публику.

До сих пор в Москве нет ни Пушкинской, ни Гоголевской улицы!

Хоть бы в память пушкинских и гоголевских празднеств назвали!

Да, наконец, мало ли знаменитых людей дала Москва, имена которых можно бы повторить хоть в названиях улиц.

Это — почтит память деятелей.

Во-вторых, название улиц именами знаменитых людей имеет и громадное воспитательное значение.

Господа городские деятели, пекущиеся о благоустройстве Москвы, обратите на это внимание, пора бы!

Да постарайтесь, чтоб названия не повторились, чтоб прекратить путаницу.

Принимайтесь же за это дело, не стыдясь, — дело доброе!

На память оставьте по одному, только по одному старому названию.

Оставьте один Кривой, один Болвановский, один Коровий и один Брехов…

Для будущих историков оставьте. Пусть думают: отчего и почему!..

1902, 4 ноября, № 304. Подписано: Дядя Гиляй

ЛЮДИ ЧЕТВЕРТОГО ИЗМЕРЕНИЯ

(Вечер смеха и забавы)

За правду не сердятся. Русская поговорка Реферат С. В. Потресова имел успех несомненный.

Все московские «Скорпионы» показались вторничной публике и заговорили.

Не будь этого реферата, никто бы их не видел и не слышал…

А вышло интересно.

* * *

Реферат о «символистах» прочитан. Объявлены, после перерыва, прения. Сцена наполнилась. Налево сели гг. К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов — солидные, серьезные. Напротив, в

глубине, на семи стульях поместились семь «новых поэтов», семь «подбрюсков».

Г. Брюсов начал опровергать референта, указавшего на пристрастие «новых поэтов» к самообожанию, любви к грехам и эротомании. Он доказывал, что новая поэзия — это свобода творчества и отвращение к пошлости. Он говорил, что новые поэты не любят скуки, пошлости и серединности и протестовать против новой поэзии — протестовать против свободы творчества.

Против обвинения в самообожании, эротомании и любви к грезам г. Брюсов не возражал. После речи ему аплодировали. Вышел волосатый «новый» поэт г. Волошин, заявивший, что за последние годы он не читал ни одной книги русской и что символическая поэзия родилась в 1857 году в Париже, в кабачке Черной Кошки.

Третий «подбрюсок», г. Шубин, вынул из кармана книжку и прочитал довольно безумное предисловие г. Пшебышевского, выругав всех нас за «буржуазный мозг, за плебейскую боязнь быть обманутыми». Четвертый вышел «подбрюсок» лет 17, типичнейший, изломавшийся и… простите… развязный. Перевирая русские слова и уродуя их легким акцентом, подпирая бока руками, «подбрюсок» г. Шик начал упрекать референта в незнании заграничных и «новых поэтов», неведомых миру, и говорил это таким тоном, что публика и возмущалась, и хохотала неудержимо.

— Ваш смех нисколько не оскорбляет меня! — злобно бросил публике г. Шик.

Публика хохотала.

— Будем терпеть до конца! — крикнул г. Шик, но не пришлось ему терпеть; публика кричала: «Вон его! вон с эстрады!»

И с шиком и свистом ушел г. Шик.

Место его сменил «подбрюсок» печального образа г. Рославцев.

Длинный, с волосами-проволоками, напоминающий своей фигурой герба-огнепоклонника или обруселого факира…

Печально отметив факт изгнания г. Шика, эта печальная фигура говорила печальные слова…

За ним г. Соколов доказывал, что новую поэзию могут понимать только те, у кого в душе есть соответственные струны…

— А всем нас не понять, — закончил он…

Сидевший в первом ряду д-р Савей-Могилевич крутил свой ус и напоминал мне того самого француза в «Русских женщинах», про которого сказал Некрасов:

И лишь крутил свой длинный ус,

Пытливо щуря взор,
Знакомый с бурями француз
Столичный куафер…

Психиатра этим не удивишь!

Он принадлежит к числу понимающих…

А вот еще г. Хессин, сильно акцентируя, непрошено стал защищать гг. Бальмонта и Брюсова и закончил словами: «мы изломанные люди».

Сознание — половина вины, и ему за правду «похлопали».

— Очередь г. Бугаева! — заявляет председатель!

Что-то худенькое, истощенное поднимается со стульев и уныло, как голос из оврага, умоляюще вещает:

— Я отказываюсь!

Из первого ряда вылетает на эстраду г. Курсинский и заявляет:

— Два слова — не более!

Публика радостно вздохнула: чем короче, тем лучше!

И жестоко ошиблась!

Этого «оратора» за его неприличные выходки по адресу шестидесятых годов останавливает даже председатель…

— Чехов, — вещает он, — поэт пошлости и пессимизма, разрушитель идеалов шестидесятых годов!

И этот новый «разрушитель», выругав по пути, по примеру предшественников, Макса Нордау, ушел с шиком…

После ораторов гг. Баснина и Быховского, вызвавших бурю аплодисментов, на эстраду полезло что-то жалкое, истомленное и стало просить слова.

Оно появилось на Эстраде.

Уши врозь, дугою ноги,
И как будто стоя спит!

Оно говорило, говорило — и все, что осталось в памяти у публики, — это новое слово: «зловещность»!..

Я видел этих «подбрюсков» в зале, за ужином.

Стол 13 «скорпионов» стоял в углу, где потемнее.

Пили и ели, как все люди едят, и так же, как все, ругали лакеев, долго не подававших кушанье.

— Ишь ты! — сказал бы Лука Горького, видя, как жадно едят капусту эти певцы лепестков невиданных растений…

Я видел «подбрюсков» после ужина, внизу, в карточной комнате…

О, если бы я не видел их в карточной комнате — я не написал бы ни слова об этом вечере!

Ни слова бы, уважая мнение всякого человека, уважая всякие порывы творчества, даже всякое заблуждение человека, если оно от сердца!..

В карточных комнатах четвертое измерение исчезло, а ярко выступили из «подбрюсков» их буржуазные мозги с плебейской боязнью быть обманутым…

Они раскрыли свои карты!..

— Ишь ты!.. — сказал бы Лука…

Я бы никогда не сказал слова «подбрюсок».

И теперь я не говорю ни слова ни о К. Д. Бальмонте, ни о В. Я. Брюсове.

Но мне их жаль в их последователях, в этих именуемых людьми, которые пыжатся, чтобы показаться заметными, чтоб чем-нибудь выделиться.

1903, 20 марта, № 78. Подписано: Дядя Гиляй

УРАГАН. В МОСКВЕ

Вчера, в исходе 5-го часа дня, пронесся над Москвой страшный ураган с грозой и градом, местами сыпавшим величиной с куриное яйцо. Разразившееся бедствие, так ужасно, что сразу подробно описать его невозможно. Особенно подверглись несчастью местности Лефортово, Сокольники, местами Басманная часть и Яузская. В Лефортове на улицах Хапиловской, Госпитальной, Ирининской, Коровьем Броде, Гавриковом пер. и Ольховской улице разрушена масса зданий, домов, поранены и убиты люди и скот. Вырваны телеграфные столбы, полуразрушено несколько домов, повреждены церкви, часовни, у которых местами разрушены купола, поломаны кресты и сбиты церковные тяжелые ограды. Из официальных учреждений сильно пострадали в Лефортове кадетские корпуса, где сорваны совершенно все крыши с частью чердака. Со здания военного госпиталя над всем корпусом сорвана крыша, местами разрушен чердак, унесены бурей деревья; со здания военно-фельдшерской школы сорвана вся крыша, разрушена часть чердака, совершенно разрушен и уничтожен разнесенный ураганом на части летний барак, в котором убит воспитанник школы Панкратов и 5 воспитанников ранено; кроме того, ранен служитель. Обширная Анненгофская роща вся уничтожена бурей и раскидана щепами по окрестностям. Лефортовский сад подвергся той же участи. Здание бывшего Лефортовского дворца также не миновало общей

участи: над ним сорвана вся крыша и выбиты окна. Такая же участь постигла Лефортовскую часть — каланча уцелела, а крыши со всех корпусов сорваны и выбиты во всем здании окна.

В один лефортовский приемный покой доставлено 63 раненых и искалеченных, убито также несколько человек, но трупы еще не все подобраны и найдены, а потому количество определить невозможно. Пока в Лефортовской часовне 3 трупа. В Басманную больницу доставлено 30 раненых. Привезены раненые и в яузскую больницу. Пострадало несколько вагонов конки, извозчиков и убито в роще много скота. В Сокольниках особенно пострадала Ивановская улица, где разрушено несколько зданий, ранено тяжело 7 человек, несколько легко. В течение всего вечера в ближайшую больницу непрерывно доставлялись раненые и искалеченные. Медицинские персоналы работали неутомимо, и многим были деланы сейчас же операции. Пострадавшие местности все время были переполнены массой народа, разыскивавшей в раненых и убитых своих друзей и родных. Убытки, понесенные от бури, как говорят, доходят более чем до 1 000 000 руб.

1904, 17 июня, № 167. Без подписи

УРАГАН

(Впечатления)

Живя во дворце в Лефортове, императрица Анна Иоанновна однажды сказала:

— Прекрасное место. Вот если бы перед окнами была роща!

Когда на следующее утро императрица подошла к окну, — напротив, где вчера еще было голое поле, возвышалась роща.

Герцог Бирон приказал в одну ночь накопать деревьев, свезти их и посадить рощу.

Так в одну ночь выросла Анненгофская роща. Третьего дня в одну минуту ее уничтожило.

В полночь при ярком свете луны стоял я один-одинешенек посреди этой рощи, или, вернее того, что было рощей. Долго стоял в ужасе посреди разбитых, расщепленных вековых сосен, пересыпанных разорванными ветвями.

Всем приходилось видеть сосны, разбитые молнией. Обыкновенно они расщеплены и переломлены. Всем приходилось видеть деревья, вырванные бурей с корнем. Здесь, в погибшей роще, — смешение того и другого, очень мало вырванных с

корнем — почти все деревья расщеплены и пересыпаны изорванными намелко ветвями.

Я стоял посреди бывшей рощи. Среди поваленных деревьев, блестевших ярко-белыми изломами на темной зелени ветвей. Их пересекали черные тени от высоких пней, окруженных сбитыми вершинами и оторванными сучьями. Мертвый блеск луны при мертвом безмолвии леденил это мертвое царство. Ни травка, ни веточка не шевелилась. Даже шум города не был слышен. Все будто не жило.

Вот передо мной громадные разрушенные здания кадетского корпуса и военно-фельдшерской школы с зияющими окнами, без рам и стекол и черными отверстиями между оголенных стропил. Правее, на фоне бледного неба, рисовался печальный силуэт пятиглавой церкви и конусообразной колокольни без крестов… Еще правее — мрачная, темная военная тюрьма, сквозь решетчатые окна которой краснели безотрадные огоньки.

Я шел к городу, пробираясь между беспорядочной массой торчащих во все стороны ветвей, шагая через обломки. Было холодно, жутко. И рядом с этим кладбищем великанов, бок о бок, вокруг мрачной громады тюрьмы уцелел молодой сад. Тонкие, гибкие деревца, окруженные кустарниками, касались вершинами земли, — но жили. Грозная стихия в своей неудержимой злобе поборола и поломала могучих богатырей и не могла справиться с бессилием.

И кругом зданий корпуса и школы среди вырванных деревьев уцелели кустарники. Разбиты каменные столбы, согнуты и сброшены железные решетки, кругом целые горы свернутого и смятого, как бумага, кровельного железа и всевозможных обломков, среди которых валяется труп лошади.

Проезжаю мимо церкви Петра и Павла, с которой сорваны кресты, часть куполов и крыша. Около военного госпиталя груды обломков. Здания без стекол и крыш, сорвана и разбита будка — квартира городовых, сад фельдшерской школы в полном разрушении. Останавливаюсь у городового. Его фамилия Алексеев. В момент смерча он был на том же месте. Его и рабочего с городского бассейна вихрем подняло с земли и перебросило через забор в сад. Придя в себя, он вытащил из-под упавших обломков забора и бревен молившего о помощи человека. Дальше — госпитальный вековой парк без деревьев: одни обломки. Мост через Яузу сорван. Направо и налево, вплоть до Немецкого рынка. Картина разрушения здесь поразительна. Особенно ярка она с Коровьего Брода, если смотреть от здания Лефортовской части. Направо разрушенный верх Лефортовского дворца, впереди — целая площадь домов без крыш с белеющей

сеткой подрешетников, налево — изуродованная громадная фабрика Кондрашова с рухнувшей трубой поперек улицы: проезда нет. Против части стоит без крыши дом Нефедова. Когда сорвало с этого дома крышу, то листами железа поранило прохожих и побило лошадей.

По Гаврикову переулку полный разгром. На переезде Московско-Казанской ж. д. сорвало крышу с элеватора, перевернуло несколько вагонов, выбросило и поломало будки и столбы телефона, а высокий железный столб семафора свернуло и перегнуло пополам, уткнув верхний конец в землю.

Здесь много пострадало народа, особенно извозчиков и рабочих.

И дальше, к Сокольникам и в Сокольниках, та же картина разрушения. С десятками очевидцев в разных местах говорил я, и все говорят, в общем, одно и то же.

В 3 часа ночи я снова поехал взглянуть на картину разрушения при свете просыпающегося дня, начав с Сокольников.

Кладбище Анненгофского бора было ужасно.

Было уже совершенно светло, ветерок шевелил наваленные между трупами старых сосен зеленые ветви.

Окружив рощу и выбравшись на. Владимирское шоссе, я остановился у точки столицы, первой принявшей на себя губительный порыв смерча. И пострадавшей больше всех.

Это ряд зданий Покровского товарищества ассенизации.

Бывших зданий.

Теперь от дома конторы, казарм и службы — груды обломков. Впереди сотня бочек, некоторые пробиты воткнутыми в них бурей бревнами, принесенными издалека.

Налево, за канавой, среди обломков Анненгофской рощи, вокруг костра греются рабочие, оставшиеся без крова. Пасется табун лошадей, уцелевших, и валяются убитые лошади.

Близ кучки служащих из-под чистых рогож видны сапоги.

Я попросил поднять рогожу. Передо мной измятый труп человека средних лет, в пиджаке и рабочей блузе. Челюсти поломаны, под левым ухом в черепе огромная рана. Смерть была мгновенная. Это — слесарь Николай Вавилов, оставивший после себя голодную семью из четырех детей и беременную жену. Старшей девочке 9 лет.

Кроме него, сильно ранило четырех рабочих, которые отправлены в больницу.

Стоящие передо мной люди первые встретили смерч и спаслись случайно. Все они рисуют одну и ту же картину. Впереди, откуда пришел смерч, широкое поле, за которым верстах в трех село Карачарово и деревня Хохловка.

Несмотря на пасмурное утро, даль видна хорошо, и можно различить разрушенные дома Карачарова и колокольню без креста: его сорвало с частью купола.

Картина катастрофы такова.

Сначала легкий дождь. Потом град по куриному яйцу и жестокая гроза. Как-то сразу потемнело, что-то черное повисло над Москвой… Потом это черное сменилось зловеще-желтым… Пахнуло теплом… Затем грянула буря, и стало холодно. Так было во всей Москве. Здесь очевидцы рассказывали так. После грозы над Карачаровым опустилась низкочерная туча. Это приняли за пожар: думали, разбиты молнией цистерны с нефтью. Один из служащих бросился в казармы и разбудил рабочих. Все выскочили и стали смотреть на невиданное зрелище. Туча снизу росла, сверху спускалась другая, и вдруг все закрутилось. Некоторым казалось, что внутри крутящейся черной массы, захватившей небо, сверкают молнии, другим казался пронизывающий сверху вниз черную массу огненный стержень, третьим — вспыхивающие огни…

Эта страшная масса неслась на них, бросились — кто куда, не помня себя от ужаса. Покойный Вавилов, управляющий Хорошутин с пятилетней дочкой и старухой матерью спрятались в крытой лестнице, ведущей в контору. Все ближе и ближе несся страшный шум.

В это время бросились в коридор, спасая свою жизнь, три собаки. Вавилов, помня народную примету, что собаки во время грозы опасны, бросился гнать собак и выскочил за ними из коридора.

В этот момент смерч налетел. От зданий остались обломки. Коридор случайно уцелел. Хорошутин с семьей спасся. А тремя ступеньками ниже, на земле, под обломками в полусидячем положении виднелся труп Вавилова.

И теперь, через 12 часов, на этом месте лужа не засохшей еще крови…

Только спустя долгое время люди начали вылезать из-под обломков и освобождать раненых. Здесь ужасная картина разрушения…

В роще, как говорят, тоже найдутся трупы. Там были люди. Эта роща — неизменный притон темного люда, промышлявшего разбоями в этой непокойной местности.

В 7 часов мы с моим спутником поехали в город и до самого дома не обменялись ни одним словом. Впечатление ужасное.

1904, 18 июня, № 168.

Подписано: Вл. Гиляровский

НА КРАЮ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ

Вчера в первый раз в моей продолжительной и богатой впечатлениями жизни я видел человека, умирающего от голода. Ребенка семи лет.

В самый последний момент его спасла горничная…

Вчера я получил следующую анонимную записку: «В меблированных комнатах „Дон“ (Арбат, Смоленский проезд), у жены д-ра медицины Полилова, живет семейство без копейки денег. Вдова-иностранка продала все, что имела: последний жакет, одеяло, подушки, обручальное кольцо, но вырученными грошами не могла поддержать своего существования. Дети тяжело заболели… от голода… Посетите это бедствующее семейство. № 12».

— Кто живет в 12-м номере? — спрашиваю швейцара.

— Болгарка бедная… Прямо с детьми с голоду умирают…

Вхожу в номер. На матрасе, без простыни и одеяла, лежит мальчик: кожа да кости, взглянуть страшно. Хорошенькая девочка лет трех играет пробкой от графина. Меня встречает бедно одетая худенькая женщина, мать детей, болгарка А. Манолова.

Я извинился за визит и сразу, чтобы выйти из неловкого положения, заговорил о Болгарии, которую посещал и знаю. Нашлись общие знакомые. Разговор перешел и на настоящее положение.

Тут же пришла соседка по номеру, симпатичная старушка, г-жа Косырева, принявшая участие в положении детей. Выяснилось из общего разговора вот что.

Г-жа Манолова, учительница гимназии в Филиппополе, овдовев, переехала в Салоники с целью открыть начальное училище. Но дело не устроилось. Ей посоветовали уехать в Москву и наговорили, что московское славянское общество определит ее детей и даст ей работу. Россия велика! Москва богата! Русские любят болгар!

И на последние деньги она приехала в Москву. Извозчик с вокзала привез ее в номера «Дона». Денег еще было рублей пять. На другой же день г-жа Манолова отправилась в славянское общество и объяснила свое положение. На другой день ей назначили зайти, и она подала прошение о помощи и определении детей в приют.

Прошение взяли, в помощи отказали, говоря, что не ей одной, а всем отказывают, так как председатель г. Череп-Спиридович давным-давно отсутствует, и дела стоят.

На четвертый день, уже продав на пищу последний скарб, она снова пришла в общество, и снова ей отказали.

Попробовала обратиться в сербское консульство, но ей, как болгарке, отказали.

И вот, уже голодная, она несколько раз ходила в славянское общество, и кто-то из служащих дал ей 2 руб. 20 коп. своих денег и рекомендацию к какой-то швее с просьбой дать работу г-же Маноловой, хорошо умеющей шить.

Швея отказала, своих мастериц много! Голод начинался. Все проедено, продать нечего, из номеров гонят, самовара давно не дают.

А кругом живут люди, и никто не знает, что рядом семья умирает с голоду.

Горничная Аннушка говорила мне:

— Только воду и пили… Дети то и дело просили графин переменить… И какие крепкие, — молчат, что голодны! А мне и невдомек. Уже после догадалась, — кусочек хлеба дала — да было поздно. Мальчик уже чуть не умирает, стонет лежит.

Только тогда горничная сообщила об умирающем ребенке жильцам, и дело выяснилось. Послали за доктором. Тот нашел что-то близкое к голодному тифу и бесплатно устроил лекарство. Еще момент — и мальчик бы умер.

И теперь бедный Любомир не может еще ни пить, ни есть и с трудом принимает лекарство. А трехлетняя Райка поправилась.

Вчера был третий день с момента первого визита доктора.

Положение отчаянное. Пока кормят жильцы-соседи, но их мало и люди также без средств. С квартиры гонят. Ни на лечение, ни на пищу… и ехать некуда! и молчат…

1905, 20 июля (2 авг.), № 194. Подписано: Вл. Гиляровский

У Г-ЖИ МАНОЛОВОЙ

Я видел сейчас счастливую семью в номерке, занимаемом г-жой Маноловой.

— Добрая, добрая Москва! Все в ней добрые! Благодарю… Благодарю!

Этими словами со слезами на глазах встретила меня радостная, оживленная г-жа Манолова.

Дочка Райка разбирается в подаренных ей книжках с картинами, а Любомир, которого я четыре дня назад видел полумертвым, весело глядит на меня и с восторгом показывает мне черные часики, подаренные ему одной из посетительниц. Он уже ест суп, и завтра доктор разрешит ему встать с постели.

Мать ликует.

Ее заветной, фантастической мечтой было открыть в Болгарии школу, имея на это две тысячи франков. Теперь у нее тысяча рублей, и она откроет школу в Болгарии, и будет воспитывать детей в чувстве самой теплой любви к русским людям.

Она это говорит, а слезы радости заливают глаза. Ей не хватает слов выразить чувства благодарности помогающим ей москвичам.

И действительно, столько задушевного, трогательного произошло за эти дни перед ней.

Много москвичей всех званий перебывало у нее.

Особенно много дам.

Через меня поступили для г-жи Маноловой следующие деньги <…>

В настоящее время г-жа А. Манолова, принося сердечную, глубокую благодарность всем добрым людям, отозвавшимся на ее горе, просила меня заявить, что она имеет уже немного более тысячи рублей (положены в банк), через неделю, как только поправится сын и она сама окрепнет от пережитых волнений, они уезжают на родину. Спасибо Москве!

1905, 24 июля (6 августа), № 198 (в сокращении). Подписано: Вл. Гиляровский

«ПО СОБСТВЕННОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ»

Был в древние времена в Москве квартальный Ловяга, который о всяком пьяном, забранном в участок, писал донесение так: «Взят под стражу за пьянство, буйство и разбитие стекол».

И когда какой-то смельчак заявил его благородию, что он был пьян, буянил, а стекол не бил, то Ловяга посмотрел на него с изумлением и закричал:

— Форма… Форма такая пишется: за пьянство, буйство и разбитие стекол.

— Да я стекол не бил!

— А я из-за тебя из формы слово выкидывать буду!

Так Ловяга до самой смерти и писал, — строго соблюдая форму.

И, конечно, не он один соблюдал ее…

Теперь тоже всюду соблюдается форма при всех железнодорожных, фабричных и заводских калечениях, всюду пишут: «по собственной неосторожности».

Газетные неопытные репортеры пользуются только протокольными сведениями и пишут тоже: «по собственной

неосторожности».

Читая массу подобных сведений в газетах, только и удивляешься, сколько неосторожных людей.

А когда эти дела разбираются в суде, — всегда находятся и другие причины, при которых никакая собственная осторожность не поможет!

На днях читаю в газетах: «При отправлении поезда № 65 от платформы „Томилино“ Московско-Казанской дороги обер-кондуктор Иван Байбаков хотел вскочить на ходу на поезд, но, по собственной неосторожности, оборвался и упал, причем колесами поезда ему отрезало ноги».

Байбакова я знаю много лет. Он служит 25 лет на этой дороге и был на прекрасном счету. 25 лет человек прыгает на ходу на все поезда — и вдруг оборвался! С обер-кондукторами таких вещей не бывало.

Спрашивая вчера на вокзале и узнаю возмутительную историю. Три человека говорили мне об этом происшествии, и все трое — лица, заслуживающие полного доверия.

Первый. — Я ехал в этом поезде, в первом классе. Когда поезд, очень легкий, дачный, быстро двинулся, раздался на платформе шум. Я выглянул — было темно, двенадцатый час — и увидал борьбу обер-кондуктора и какого-то господина в белой фуражке… Это был один момент… Потом послышался крик: «Человека задавили!» Поезд был остановлен сигнальной веревкой. Господин в белой фуражке убегал в лес.

Кондуктора отвезли в Москву, а со станции «Люберцы» прислали жандарма.

Второй. — Во время происшествия я был в «Томилине», на другой платформе. Когда это случилось, после говорили, что Байбаков делал контроль, подъезжая к Томилину. Не найдя у господина в белой фуражке, ехавшего с двумя дамами, билета, он предложил ему уплатить в Томилине с дополнительным сбором, на что в ответ получил дерзость. Остановившись в Томилине, он предложил начальнику станции получить плату с безбилетного пассажира, и тут произошла «история»: пассажир в белой фуражке сцепился с Байбаковым и ударил его чем-то по рукам, в то время, когда Байбаков на ходу садился на поезд. Потом падение. Бесчувственного Байбакова, издававшего слабые стоны, подняли на платформу, а белая фуражка мчалась к лесу.

Третьим — была жена Байбакова. Я ее вчера встретил в Басманной больнице, где она посетила после ампутации своего мужа.

Она мне сказала только это:

— Без ног теперь… столкнули под поезд… Дети дома… Один

кормилец.

Господа репортеры, будьте осторожнее «по собственной неосторожности».

1903, 18 шюня, № 166. Подписано: Вл. Гиляровский.

III. ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ В СТИЛЕ РЕПОРТАЖА

ПОЛЕТ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

(Воспоминания)

Я был командирован редакцией описать полет. Был серый ветреный вечер.

— Пузырь полетит… — волновалась серая Москва, глядя на скверный аэростат из серой материи, покачивающийся на ветру.

Я пробился к самому шару. Вдали играл оркестр. Десяток пожарных и рабочих удерживали шар, который жестоко трепало ветром. Волновался владелец шара, старичок немец Берг, — исчез его помощник Степанов, с которым он должен был лететь. Его ужас был неописуем, когда подбежавший посланный из номеров сказал, что Степанов вдребезги пьян и велел передать, что ему своя голова дорога и что на такой тряпке он не полетит. Берг в отчаянии закричал:

— Кто кочит летайт, иди…

— Я, — шепнул я на ухо старику среди общего молчания и шагнул в корзину. Берг просиял, ухватился за меня обеими руками, может быть, боялся, что я уйду, и сам стал рядом со мной.

Публика загудела. Это была не обычная корзина аэростата, какие я видел на картинках, а низенькая, круглая, аршина полтора в диаметре и аршин вверх плетушка из досок от бочек и веревок. Сесть не на что, загородка по колено. Берг дал знак, крикнул «пускай», и не успел я опомниться, как шар рванулся сначала в сторону, потом вверх, потом вбок, брошенный ветром, причем низком корзины чуть-чуть не ударился в трубу дома — и закрутился… Вся Москва тоже крутилась и проваливалась подо мной.

Мы попали в куски низко висевшей тучи. Сыро, гадко, ничего не видно. Пропали из глаз и строения, и гудевшая толпа. Наши разговоры, малопонятные, велись на черт знает каком языке и не по-русски и не по-немецки.

Кругом висел серый туман непроглядной тучи. Наконец внизу замелькали огоньки, Воробьевы горы и поля, прорезанные Москвой-рекой. Тишина была полнейшая, шар перестал крутиться и плыл прямо. Мы опять попали в тучу. Берг, увидев у меня табакерку, очень обрадовался и вынюхал у меня чуть не половину. Опять прорвалась туча, открылось небо, звезда, горизонт, а под нами бежали поля, перелески, деревни… Москвы не было видно, она была с той стороны, где были тучи. Вот

фонари и огоньки железнодорожной станции и полотно Казанской дороги, я узнал Люберцы, шар стал опускаться и опустился на картофельное поле, где еще был народ.

Мы благополучно сели, крестьяне помогли удержать шар, народ сбегался все больше и больше и с радостью помогал свертывать шар. Опоздав ко всем поездам, я вернулся на другой день и был зверски встречен Н. И. Пастуховым: оказалось, что известия о полете в «Листке» не было.

Это за всю мою репортерскую деятельность был единственный случай такого упущения.

Гиляровский В. А. Мои скитания. Вологда, 1958, с. 243–245. Полет относится к 1882 г.

В ВИХРЕ

(Из воспоминаний репортера)

Вот уже второй день, как я мирно лежу в сторожке лесника, а все чувствую, что мчусь на этом чудовище, вокруг которого бессильно воет разрезаемый им ветер.

Стоит закрыть глаза — и сквозь шум векового бора мне ясно слышится грохот орудий, взрывы, трескотня винтовок и громыханье этого громады-паровоза, предназначенного для поездов-молний и так лихо вынесшего меня от верной смерти.

Сейчас, лежа на лавке, я ощущаю, как он мечется, прыгает и клокочет подо мной, как визжат рельсы, как громыхают стрелки.

Нас было трое: я, машинист и кочегар с завязанной красным кумачом головой; ему пуля пробила ухо, и он сорвал с трубы флаг, перевязал им рану.

Войска уже ворвались в окутанную дымом станцию, а товарищи, отстреливаясь, отступали к лесу. Некоторые падали в снег, сраженные пулями. Я остался на путях и нырял под вагонами, пока не очутился перед начавшим двигаться паровозом.

— Садись! — крикнул мне машинист, помогая влезть на высокую подножку.

Загремел по стрелкам паровоз, заревел свисток, совершенно некстати данный в этот раз привычной рукой, и покрыл грохот выстрелов.

Нас заметили: застучали пули по железу и, визжа, гулко прорезывали трубу. Стоны, крики, выстрелы еще были слышны минуту…

Ужасы ада оставались позади, дальше и дальше с каждой секундой.

Мы бешено неслись, не думая о том, свободен ли путь. Сзади нас была полная безнадежность, и мы уходили от смерти, от пуль, может быть, на вернейшую гибель от крушения. Но впереди все-таки жизнь и воля! Да об этом и не думалось…

Бешено кружились деревья леса, неуловимо мелькали телеграфные столбы, будки… Вот совершенно пустой полустанок… Опять лес, опять поля, будки… Машинист то и дело высовывает голову и дает свистки. Мы пролетаем станцию… Толпа восторженно приветствует нас и машет папахами и красным флагом… На следующей станции стояли массы с удивленными лицами и метался офицер.

Потом, когда мы были уже далеко, свистнули вслед нам пули. Одна разбила стекло и визгнула по перилу.

— Дьяволы! — прошипел машинист и дал тревожный свисток — оглушительно захохотал паровоз в ответ на выстрелы.

Мы неслись с быстротой невероятной; регулятор открыт вовсю. Летим! Машинист, этот равнодушный к жизни и смерти человек, горел жизнью. Лицо его жило каждым мускулом. Глаза сверкали. Мы неслись под уклон, и под нами визжали рельсы, сыпались искры. В подъем паровоз стал останавливаться.

Впереди высились фабричные трубы.

Машинист поцеловал паровоз, смахнул слезу, спрыгнул на полотно и снял шапку.

— Прощай, товарищ!

Мы пошли в лес. Было тихо-тихо в лесу… только снег хрустел под ногами. С веток сыпался иней…

Впервые напечатано в кн.: Литературные вечера. М., 1907; см. также: Гиляровский В. А. Избранное, т. 2. М., 1960, с. 339–340.

ЛИТЕРАТУРА

Городецкий С. Юбилей В. А. Гиляровского. — Известия, 1923, № 278.

Гура В. Жизнь и книги дяди Гиляя. Вологда, 1959.

Дорошевич В. Юбилей В. Гиляровского. — Русское слово, 1908, № 278.

Замошкин Н. Владимир Алексеевич Гиляровский. — В кн.: Гиляровский В. А. На жизненной дороге. Вологда, 1959.

Киселева Е. Король русского репортажа. — Рабоче-крестьянский корреспондент, 1959, № 6.

Киселева Е. «Москва газетная» и Гиляровский. — В кн. Гиляровский В. Избранное в 3-х т., т. 2. М., 1961.

Киселева Е. Жизнь и творчество В. А. Гиляровского. М., 1966.

Киселева Е. Дядя Гиляй — репортер. — Журналист, 1978, № 7.

Киселева Е. Рассказы о дяде Гиляе. М., 1983. Краснов П., Щевелев В. Дядя Гиляй, московский репортер. — Советская печать, 1961, № 3.

Кружков Н. Владимир Алексеевич Гиляровский. — В кн.: В. А. Гиляровский. Собр. соч. в 4-х т., под ред. В. Н. Лобанова. М., 1967.

Леонов Л., Лидин В. Умер Гиляровский. — Известия, 1935, № 231.

Лесс А. В квартире дяди Гиляя. — Нева, 1956, № 12.

Марин В. Дядя Гиляй. — Журналист, 1983, № 1.

Морозов Н. И. Сорок лет с Гиляровским. М., 1963.

Немирович-Данченко Вас. Король репортажа. — Русское слово, 1908, № 278.

Немирович-Данченко Вл. Два слова о В. А. Гиляровском. — Русское слово, 1908, № 279.

Никулин Л. «Москва и москвичи» дяди Гиляя. — Москва, 1957, № 3.

Бедный Д., Вишневский В., Леонов Л., Толстой А. и др. Памяти В. А. Гиляровского. — Правда, 1935, № 273.

Паустовский К. Дядя Гиляй / В. А. Гиляровский /. Собр. соч., т. V. М., 1958.

Соболев Ю. Дядя Гиляй. — Огонек, 1923, № 39.

Чехов М. П. Вокруг Чехова. М., 1981.

notes

Примечания

1

Гиляровский В. А. Мои скитания. Вологда, 1958 с. 218.

2

Там же, с. 217.

3

Там же, с. 217.

Там же, с. 218.

5

Там же, с. 221.

6

Цит. по: Гиляровский В. А. Москва газетная. Избранное в 3-х т., т. 2. М., I960, с. 225.

7

См.: Гиляровский В. А. На жизненной дороге. Вологда, 1959, с. 189.

8

Гиляровский В. А, На жизненной дороге, с. 194.

Гиляровский Вл. Москва и москвичи. М., 1955, с. 446.

10

Там же, с. 446–447.

11

Там же, с. 367.

12

Гиляровский В. А. На жизненной дороге, с. 194.

13

См.: Гиляровский В. А. На жизненной дороге, с. 195.

Гиляровский Вл. Москва и москвичи, с. 444.

15

Чехов А. П. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Письма, т. 1, с. 228.

16

Гиляровский В. А. Избранное, т. 2, с. 33.

17

В книге Н. Морозова «Сорок лет с Гиляровским» (М., 1963, с. 25) ошибочно указан № 21.

18

См.: Гиляровский В. А. На жизненной дороге, с. 200. Упоминание в «Москве газетной» о посещении сотого представления оперы «Демон» отличается еще меньшей точностью.

19

Там же, с. 200.

20

Русские ведомости, 1887, 9 августа, № 217, б/п.

21

Ср. в «Москве газетной»: «….я хоронил Я. П. Полонского, командированный „Русскими ведомостями“ в Рязань» (Гиляровский В. А. Избранное, т. 2, с. 134).

22

См.: Гиляровский В. А. Москва газетная. — Избранное, т. 2, с. 32–33.

23

Там же, с. 282.

24

Гиляровский В. А. Избранное, т. 2, с. 220.

25

Чехов А. П. Полн. собр. соч. в 30 т. Письма, т. 11, с. 183. В кн. Гиляровского «Москва и москвичи», в главе «Жизнерадостные люди» (с. 461) воспроизведена открытка-письмо Чехова с ошибочной датой его написания, а именно 23 марта 1900 г. На самом деле письмо относится к 23 марта 1903 г. Эта досадная ошибка до сих пор не исправлена и не оговорена в примечаниях к Сочинениям В. А. Гиляровского.

26

Русская литература конца XIX — начала XX в. 1901–1907. М., 1979, с. 389–390.

27

Гиляровский В. А. Москва газетная. Избранное, т. 2, с. 262.

28

Гиляровский В. А. Мои скитания, с. 229–230.

Морозов Н. Сорок лет с Гиляровским, с. 28.

Там же, с. 29.

31

В «Москве газетной» ошибочно указан Н. Рубинштейн.

Гиляровский В. А. На жизненной дороге, с. 200.

33

Морозов Н. Сорок лет с Гиляровским, с. 115.

См.: Гиляровский В. А. Мои скитания; Он же. Трущобные люди. М. 1957; Он же. Москва и москвичи; Он же. Избранное в 3-х т. М., 1960; Он же. Собр. соч. в 4-х т. М., 1967.

35

Одно из специально построенных антрепренером Форкатти зданий для увеселительных зрелищ.